

Журнал российского независимого
женского религиозного клуба „Мария”

1

Ленинград — Франкфурт-на-Майне
1981

МАРИЯ

**Журнал российского, независимого женского
религиозного клуба «Мария»**

1981

СОДЕРЖАНИЕ

К ЖЕНЩИНАМ РОССИИ	7
НАШИ ВЗГЛЯДЫ, ИДЕИ, ПОЗИЦИИ	
<i>(Материалы конференций клуба «Мария»</i>	
<i>Татьяна Горичева</i> — Ведьмы в космосе	9
<i>Наталья Малаховская</i> — Заживо погребенные,	
<i>Юлия Вознесенская</i> — Домашний концлагерь	13
Дискуссия на тему «Феминизм и марксизм»	19
Ответы на анкету журнала «Альтернативы»	22
ЖЕНЩИНА И ЦЕРКОВЬ	
<i>Татьяна Горичева</i> — Письма по молитвам к Богородице	31
<i>Ксения Романова</i> — О вере моей	35
НАША СЧАСТЛИВАЯ, СЧАСТЛИВАЯ, СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Айа Лаува</i> — Хозяин семьи	39
<i>Софья Соколова</i> — Слабый пол? Да, мужчины	43
ОСТОРОЖНО, ДЕТИ!	
<i>Аня Лучинина</i> , 10 лет — Как я учусь в школе	45
ЖЕНЩИНА И ГУЛАГ	
<i>Татьяна Великанова</i>	49
<i>Семья Владимира Пореша</i>	52
<i>Татьяна Щипкова</i>	55
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	
<i>Юлия Вознесенская</i> — Из «Книги разлук», стихи	58
<i>Наталья Лазарева</i> — Стихотворения	62
<i>Ксения Романова</i> — Прощеное воскресенье, стихи	64
<i>Наталья Малаховская</i> — Темница без оков, главы из повести	68
<i>Юлия Вознесенская</i> — К нашим читательницам	79

К женщинам России

Мы назвали свой клуб и журнал именем Той, от которой пришло спасение миру, именем земной и небесной заступницы России.

Она слышит каждый вздох, доносящийся от земли нашей, Она спускается в ад женского существования и выносит оттуда души уже отчаявшиеся, уже безнадежные. Давно ходит Она по нашей политой кровью земле и Голгофа русской жизни становится через Нее воскресением.

Россия стоит на пороге решения: народ, давший миру сотни святых и тысячи праведников, страна, названная когда-то «святой», ныне поруганы и оплеваны, из России изгнали Бога, пытаются изгнать и человека.

Мы — на краю гибели: духовной, нравственной, физической. Чудовищная волна нигилизма и отупения сметает все ценности культуры и духа: распадаются семьи, народ утопает в пьянстве, катастрофически растет преступность и снижается рождаемость, общая деморализация общества переходит все возможные границы.

Русская женщина страдает в этих условиях не меньше, а больше остальных. Она по-прежнему остается рабой раба, и петля на ее шее затягивается каждый раз вдвое больней, чем на шее мужчины.

И все же мы обращаемся к тебе, женщина России!

В тебе живет то оружие, которое способно защитить человечество, стоящее ныне на краю гибели. И это оружие — Любовь.

Наша цивилизация, столь изощренная технически, была и остается цивилизацией дикарей. Тупое, бесцельное производство материальных благ, бездушный техницизм, голос грубой силы и расчетливого рассудка — вот ее плоды, и от этих плодов воздух планеты наполнился отвратительнейшим из запахов: запахом крови, крови животных, крови насекомых, крови людей.

Человечество, устремленное на приобретение внешних благ, кончает банкротством как на Западе, так и на Востоке.

Но мы в России сделали еще один шаг: мы попытались ценой кровавой революции достичь справедливости на земле, мы убили Бога, мы замучили миллионы лучших людей и вот теперь пожинаем плоды — обезображена, искромсана наша жизнь, нет в ней света, нет утешения.

Но пусть наш опыт будет дан нам недаром! Пусть научит он нас искать спасения не во внешних реформах и изменениях, пусть обратит наши взоры в глубины сердца и откроет нам то, что дано раскрыть во всей полноте только женщине:

способность любить и жертвовать всем ради любви, способность не искать в этой любви «своего», способность слушать Бога и следовать за Ним, способность жить сердцем, а не рассудком.

Если человечество не отвратит свой взор от экспансий и войн, если оно не обратится к попираемым ныне «женским» ценностям, его ждет неминуемый распад и гибель.

В России нынче должна родиться новая женщина — свободная и независимая, однако не употребляющая свою свободу во вред ближнему, а преобразующая ее в творческий порыв, женщина, поднявшаяся до понимания своей высокой задачи, осознавшая боль века как свою собственную боль, умеющая сделать чужое страдание своей судьбой.

Россия стоит ныне или на пороге гибели, или на пороге воскресения.

И от нас с вами зависит, пойдет ли она за Богом, зажжется ли в ней тот Свет который в будущем озарит весь мир, — или же окончательно погубит свою душу залив русскую землю кровью праведников и святых.

Татьяна ГОРИЧЕВА

Ведьмы в космосе

Когда Господь Иисус Христос шел на последнюю пытку, его оставили все, даже ученики. И только женщины следовали за Христом, оставаясь верными Ему и любя Его более своей жизни. Жены-мироносицы несут и сегодня благовония своих молитв и подвигов на могилы русских мучеников.

Сегодняшняя Россия может гордиться своими женщинами. Женщины правозащитного движения: Т. Великанова, Е. Боннер, И. Гинзбург, Т. Осипова, Н. Горбаневская, Ю. Вознесенская — трудно перечислить всех — это истинные христианки, полагающие душу свою за други своя. Простые, незаметные русские женщины заполняют наши храмы, они никогда не изменяли церкви. Не будь их, не пережили бы мы те страшные для церкви времена, когда она стояла на грани физического уничтожения, а о духовной весне Православия, нахлынувшей на Россию в наши дни, никто и мечтать не мог.

И вот сегодня мы сталкиваемся с фактом рождения женского движения в России.

Женщины поднимают голову. Женщины хотят обрести собственное самосознание.

В сентябре 1979 года в Ленинграде выходит в свет первый женский самиздатский альманах «Женщина и Россия». Это не только первый женский журнал, но и первый демократический журнал в нашем городе. Именно женщины впервые заговорили о тотальном насилии, совершающемся над человеком в советском обществе, и заговорили с такой откровенностью, что весь мир увидел: Гулаг для советского человека не ограничен лагерем или тюрьмой. Гулаг — это его повседневная жизнь.

Женщины заговорили о нашей общей боли и тревоге, женщины подняли голос в защиту всех угнетенных и притесняемых. Вновь Господь избрал незнатное мира, чтобы посрамить знатное, и немощное мира, чтобы посрамить сильное.

Самый хрупкий и ранимый элемент общества, находясь под двойным и тройным прессом безжалостно давящей советской действительности, прорвался к свету, преодолев все табу и страхи, все невроты и опасения.

В этом докладе мне хотелось бы остановиться на духовных предпосылках сегодняшнего русского феминизма и показать, что проблема освобождения женщины — это не только и не столько политическая, сколько духовно-онтологическая задача наших дней.

* Но женщины, женщины, женщины...
...на думал что...
...на думал что...
...на думал что...

Женщиной не рождаются, женщиной становятся, что невероятно трудно в нашем обществе, ибо — это общество не мужчин и женщин. Это общество гермафродитов.

Тотальное искоренение всего человеческого создало бесполого гомункуло-са, осклопленного не только духовно, но и природно. Невротик и вечный эмбрион, он так и не дорастает до собственной зрелости, так и не обретает пол.

Чтобы обрести самосознание, нужно выйти из тупика инфантильности и безответственности, нужно открыть в себе человека, имеющего историю (т. е. возраст) и природу (т. е. пол). Осознав себя женщинами, став женщинами, мы сможем говорить о необходимой «норме» нашего бытия, о таком самоопределении, которое позволит свободно постигать Реальность и творить ее. Проблема освобождения женщины представляется мне наиважнейшей не только для самих женщин, но и для всего нашего общества в целом. Постараюсь пояснить свою мысль.

В советском обществе парадоксально-зловещим образом осуществилась ленинская мечта: кухарка стала править государством.

Многие проблемы духовного и социально экономического кризиса России можно объяснить именно этим фактом, этой «формой правления». Советское общество — это в некотором роде псевдоматриархальная антиутопия, ибо это не общество, а одна огромная кухня.

Симона де Бовуар заметила как-то, что бытие женщины в патриархальном обществе ограничивается кухней и будуаром. Отсюда — экзистенциальный паралич женщины, ее вечно пассивная, выжидающая позиция в жизни.

В советском обществе экзистенциальный паралич — удел не одних только женщин. Это нормальное состояние среднего советского человека, который обретает черты «женской» психологии, понимаемой в контексте тех патриархальных уродств, которые раздавили не только женщину, но и мужчину.

Итак, кухня.

На кухне, именно на ней формируется то магическое отношение к действительности, которое заменило в сознании советского человека все былые идылы и идеалы.

На кухне, у плиты, подчиняясь анонимным природным законам, прислушиваются к ветхим стихиям воды, огня, воздуха. Там привыкают к тоскливой цикличности природных процессов, там существование до-временное, до-христианское.

Законы кухни стали законами нашего общества: экзистенциальный паралич сковал все проявления нашей жизни. Нет у нас, собственно, социально-общественной жизни, вместо социума — ветхость природных стихий, вместо закона — рок, вместо свободы — вера в случайность.

Мало кто верит в Бога, но зато почти все верят в судьбу, отвергнув религию светлую и истинную, бессознательно и стихийно обратились к магии и «черным мессам». Вся жизнь советского человека заполнена ворожбой, темными страхами, гаданиями и предчувствиями. Потеряв активную позицию в жизни, он потерял ее смысл и ясность.

Уже не люди в этой стране правят людьми. В ней правит Некто и даже нечто, анонимный рок, беспощадный и слепой, как природа.

И с этим роком возможен лишь один вид связи — магический.

Всё общество превратилось в кухарок и «кухарей», все брошено в мясорубку патриархальных отношений, не ослабленных, а усиленных пресловутой «эмансипацией».

Освобождение женщины от тех черт «женской» психологии, которые насильно внушались ей веками — пассивность, бессловесность, рабская зависимость от дома и семьи — в наших «феминизированных» условиях становится делом первой важности.

Но пойдём дальше. Остановимся на второй части ленинского высказывания: кухарка будет **править**. Кухарка не просто бездействует, в своем бездействии она все же правит. Из жертвы вырастает палач — метаморфоза легкая и понятная. Из магически-пассивного отношения к миру вырабатывается отношение демонически — активное. На словах революция провозгласила равные права женщины и мужчины, женщины летят в космос, женщин с высшим образованием больше, чем мужчин. Но что это? Освобождение? Нет, только его иллюзия.

Женщины, выбившиеся в «кухарки правящие», еще больше обезображены и раздавлены, чем кухарки «обыкновенные». Да и в «правлящие» у нас выбиваются чаще всего не те, кто умнее, талантливее, добрее, а, наоборот — те, кто усвоил себе единственное правило: «с волками жить, по-волчьи выть», кто окончательно одеревенел и забыл о своей человеческой природе. Государством управляют осатанелые кухарки, ведьмы и дьяволицы, столь же оскотеленные советским супер-патриархатом, как и их жертвы.

Единственная возможность проявить активность в обществе всеобщих табу и запретов, это — навязать свою неумную, разрушительную и демоническую волю тем бессловесным жертвам, которые давно готовы ее принять. И из объекта стихий кухарка становится их субъектом: не покидая кухни, она уносится завоевывать и общество, и космос. Так появляется новый тип женщины — фемина советика — которая смотрит на нас с обложки журнала «Советская женщина»: животное-самодовольное, грубое лицо с соломой вместо волос и стеклышками вместо глаз, женщины-судьи, женщины-административного работника, женщины-надзирательницы, жестокой и фанатичной, слепо исполняющей чужую волю и беззащитно попирающей тех, кто слабее.

Тип новой валькирии, но уже лишенной всех эстетических черт и какого-либо романтического ореола. В ее бешеной активности — все то же экзистенциальное бессилие, то же рабство.

Это пассивно и активно злое существование, существование в рабстве стихий и темных духов — исковеркало природу человека так, что человека нынче уже пора занести в «Красную книгу», ибо он обречен на полное вымирание.

Восстановим свою природу, восстановим свой пол. Только тогда мы можем выйти к «свободе», помышлять о сверх-природном и божественном.

Но эти процессы взаимосвязаны, т. к. природное можно восстановить лишь обратившись к духовному, взыскав образа Божия и подобия. Не выйдя за пределы «кухонного имманентизма», человек обречен на болезнь и невроз, на вечный гермафродитизм и нерожденность. Только обращенность к трансцендентным истокам существования выводит человека к истории и к себе самому. Обретя Бога, он обретает свое достоинство, свою экзистенцию. Об этом хорошо знают женщины новой России. Дух дает возможность выйти из утробы и плена ветхих стихий. Мы выходим из инфантильного эгоизма, мы открываем, что существует Другой, существует ближний и Бог. Открывая Другого, мы впервые открываем себя в богатстве своего конечного бытия мужчиной или женщиной.

Мы — на краю. Как сохранить человеческое, как возродить личность, как открыть в женщине женское и де-феминизировать мужчину?

Несомненно, нужно бороться за политические и социальные права женщины, нужно требовать равноправия и равенства, но нельзя и забывать, что это равенство может обернуться равенством одинаково бесправных рабов, что никакая социальная революция не освободит женщину, если она одновременно не будет революцией духовной.

Наталья МАЛАХОВСКАЯ

Заживо погребенные

Доклад Т. Горичевой был встречен собравшимися с горячим одобрением. Затем слово взяла Н. Малаховская. Она сказала:

«Мне удалось заранее познакомиться с тезисами таниного доклада. Они меня очень обрадовали: где-то подспудно у меня самой возникали те же мысли, а Тане удалось особенно хорошо их выразить. У меня появилась потребность развить эту тему, более подробно осветить одну ее грань. Мне интересно, согласитесь ли вы со мною. Но прежде хочу внести небольшое уточнение: Таня вспоминает слова Симоны де Бовуар о рабстве женщины у ветхих стихий: огня, воды, воздуха. Может быть, у них во Франции этим дело и ограничивается, но у нас это рабство усугубляется, т. к. в России женщина вынуждена находиться в плену и у других ветхих стихий: стихии стадности в бесконечных очередях, стихии озлобленности в уличных и транспортных давках и особенно — на коммунальных кухнях.

А, теперь я хочу поделиться с вами мыслями, которые вызвал у меня танин доклад.

Женщина у нас действительно правит, но женщина, которой не дают быть на самом деле женщиной. Женщина, в которой наша жизнь убивает прежде всего женственность. Как это происходит?

Американские ученые, исследуя психологию двух полов, пришли к выводу, что сфера доминирующих интересов женщины лежит в области **отношений**, в то время как сфера доминирующих интересов мужчины — в области вещей. Не будучи в состоянии проводить научные исследования сама, я, однако, рискну дополнить эту мысль, приблизительно намечая круг интересов женщины, те ценности, которые более всего привлекают ее в жизни.

Это — созидание любви как новой духовной реальности, созидание нового во всех областях жизни. Но при этом, о чем бы ни шла речь, женщине небезразлично, что именно она создает, ей необходимо знать цель и результат своего творчества — в отличие от мужчины, который может инфантильно «застрять» на самом процессе работы, зачастую ослепленного «вещью», фетишизирующего профессионализм — от мужчины, способного с важным видом заниматься «техникой для техники», «наукой для науки» или «искусством для искусства» в то время, как весь мир летит в тартарары.

Созидая, женщина чувствует и большую ответственность за все, чему она дает жизнь, и за ту жизнь, которую она дарует своим детям.

Наше общество построено таким образом, что в нем можно достигнуть только ценностей вещного, предметного характера. Хотя и трудно, но можно добиться и квартиры, и дачи, и даже машины — предмета вожделений многих мужчин. Ценою убиения в себе совести, ответственности, творческого начала (т. е. невещественных качеств) можно добиться и карьеры. Но ценностей, лежащих в сфере отношений, т. е. тех, без которых для женщины и жизнь не в жизнь, никакой ценой добиться нельзя.

В самом деле: пока человек ищет только вещи, он может надеяться получить именно ее (машина не перестает быть машиной от того, что ее добыли нечестным путем). Но, взыскав любви и творчества, мы обречены на неудачу. Любимого человека мы можем получить — но очень часто лишь ценой утраты самой любви, только после того, как любовь (которая «долготерпит и не ищет своего») превратится в грязную нравственную сделку. Мы можем добиться, следовательно, человека только как вещи, как его предметной оболочки. То же самое — и в области творчества. Любая работа достижима — но только как место работы, как должность, где невозможно заниматься тем, что составляет суть и смысл этой работы.

Как в сказке, драгоценности превращаются в битые черепки, едва к ним прикасаются наши руки. (Оживление, одобрительные реплики).

Рассмотрим подробнее каждый из этих аспектов.

Угнетение человека в нашем обществе зашло гораздо глубже всех мыслимых пределов. Когда на обвинения со стороны Запада в том, что у нас нет политических прав, наши идеологи отвечают: «а зато у нас есть социальные и экономические права» — они не просто лгут, они не понимают, на что поднимают руку, лишая людей политических прав. Мне хочется, чтобы до всех, наконец, дошло: **лишение политических прав имеет отношение не столько к политическим интересам человека, сколько к самым интимным сторонам его бытия**. Насильственно ограничивая круг общения человека, власти не

только причиняют человеку страдания, не только ломают его судьбу — они совершают святотатство, вместе с душой убивая и то святое в ней, что вообще не должно быть подвластно человеческим властям (ведь сказано же — «что Бог соединил, человек да не разъединит»).

Узы тьмы, налагаемые на душу человека, уродуют ее до неузнаваемости. У нас полностью атрофировалось представление о том, что человек имеет право быть счастливым, имеет право хотеть именно того, чего он хочет на самом деле, и стремиться к этому. С раннего детства советское воспитание направлено, чтобы восстановить человека против его собственного «я», внушить подозрительное отношение к собственным его потребностям, вбить в детскую голову идею долга — долга перед чем-то абстрактным, почти мистическим, недоступным детскому сознанию: перед Родиной, партией и пр. Практически вся эта мистика проявляется в системе бесконечных табу, запретов, ограничений: и то, что они связаны с обязательным произнесением неких слов-заклятий, слов, по большей части лишенных смысла и, однако, производящих ошеломляющее впечатление — делает еще более очевидным сходство этого процесса с **магическим обрядом**. Именно слово — как символ, знак, — выступает на первый план, совершенно уничтожая при этом то, что оно означает, превращаясь в фетиш (означающее убивает означаемое). Достаточно сказать: он изменник Родины! — и все будут плевать, даже не пытаясь узнать, а что же, собственно, человек этот сделал (а, к примеру, по одной из статей уголовного кодекса отказ вернуться из-за границы рассматривается как измена Родине и наказывается лишением свободы сроком на 15 лет). В связи с этим мне вспоминается такой эпизод: в саду две шестилетние девочки подошли к малышке лет трех с вопросом: «Любишь ли ты Ленина?» Кроха ответила что-то невразумительное, вроде «не знаю», и тогда большие девочки набросились на нее с кулаками и били ее, пока не вмешались взрослые. Вот плоды раннего идеологического воспитания.

Все это вместе-приводит к тому, что первым уроком, который мы извлекаем из жизни, становится правило: «если ты чего-то хочешь, то этого-то как раз и нельзя». Достичь желанного можно только случайно, никакие осознанные усилия привести к этому не могут. Часты такие ситуации, когда мне случайно оказывается доступным то, что нужно тебе, а мне ни к чему — и наоборот. Но мы не можем поменяться судьбой! Мы оставлены на произвол случая, мечемся в сетях разнородных случайностей — поэтому и процветает у нас вера в судьбу, рок.

Хочется вспомнить замечательные слова апостола Павла из 13-ой главы его Послания к Коринфянам: «Любовь... не радуется неправде, а сорадуется истине...» По своей природе это чувство не может мириться с той тьмой, в которую мы погружены, с необходимостью лгать изо дня в день, на каждом шагу, чтобы удержаться на поверхности, не лишиться работы, не попасть за решетку. Тем не менее жизнь требует от человека именно этого — и он вступает в конфликт с совестью, а значит, и с любовью. Духовное чувство не может расти на почве бездуховности — тут я должна сослаться на статью С. Соколовой «Слабый пол»

— мужчина как партнер при создании семьи чаще всего оказывается несостоятельным именно в силу своей духовной, гражданской и политической несостоятельности. Таким образом оправдывается формула «где нет свободы, там нет и любви».

Но у нас нет не только свободы.

О том, как замечательно мы «имеем» социальные и экономические права, уже писалось в первом номере альманаха «Женщина и Россия». Именно поэтому женщина просто физически не может иметь столько детей, сколько ей хочется, чтобы удовлетворить свою потребность в материнской любви: негде жить, не на что кормить — да и сама умрешь с голоду, если будешь сидеть с детьми дома вместо того, чтобы работать по 8 часов в день. Детские учреждения у нас находятся на таком уровне, что превращают здоровых детей в больных, т. е. обостряют проблему вместо того, чтобы разрешить ее.

Итак, женщине отказано в том, чтобы быть женщиной в личной и семейной жизни. Ее выталкивают из дому — искать пропитания. Но, может быть, в работе «на благо общества» она может удовлетворить свой созидательный порыв? Может быть, здесь она сможет прикоснуться к истинному творчеству?

Но работа для нас — не средство самовоглощения, а проклятие. Шаг за шагом проходя через все испытания, мы убеждаемся, что в нашем царстве равных невозможностей творчество в истинном смысле слова невозможно ни в какой сфере деятельности. Самодержавие проникло у нас во все сферы деятельности. Человек, который хочет работать-творить, на любом месте оказывается не ко двору. Учитель, который хочет действительно учить детей, окажется таким же изгоем, на него будут показывать пальцами точно так же, как на повара, который мечтает кормить людей вкусной пищей вместо того, чтобы обворовывать их, подсовывая им тухлятину, как на врача, который вздумал бы лечить больных вместо того, чтоб выписывать (или не выписывать) больничные листки, как на работника общества охраны природы, которому пришла бы в голову блажь действительно охранять природу вместо того, чтобы тихо-мирно писать протоколы и высчитывать проценты сдачи членских взносов. Даже в том единственном, что нам оставлено — даже в этом мы не можем отыскать естественного смысла. Смысл полностью вытеснен из всех клеток нашего существования: тот, кто вздумал бы искать его, вместо того,

чтобы приспособиться к бессмысленности, третировался бы как сумасшедший.

Лишая нас возможности истинного созидания, в нас убивают женщин. Женщине не дают творить — она начинает разрушать. По закону цепной реакции вчерашняя жертва становится сама палачом. Палачом собственной души, лучших ее порывов, совершая святотатство. Палачом для ближних: детей и всех, попадающих в сферу ее влияния. Как страшны эти маленькие начальнички, могущие совершить только зло! Эти секретарши в вузах, приемщицы белья в прачечных, эти наглые продавщицы и буфетчицы, директорши школ...» ✕

Ю. Вознесенская: «Государственные стервы».

— «Да, везде — одни законы, от магазина до суда. Таня правильно сказала — кухонные законы. Женщины, которым не дали быть женщинами, превращаются

в страшные бесполое существа, полностью лишённые ласковости, доброты женской. её стремления всех понять, всех утешить, исправить все зло. Леденящий ужас возникает при одном взгляде на это исковерканное создание, что испытывает чудовищное наслаждение от приносимого ею зла. Злорадство, злобная радость в её глазах — на дне которых таится неосознанное страдание.

Тотальное зло, в котором мы живём, переросло все мыслимые рамки, в том числе и рамки политики. Оно — онтологично. Мы поставлены перед простым выбором: свет — или тьма, правда — или ложь, жизнь — или смерть. Зло пронизывает все поры наших тел и наших душ, только неустанная борьба с ним может нас спасти.

Решимость идти до конца нам придает не отчаяние, а ясное осознание, что ничто не может быть хуже той прижизненной могилы, в которую превращена у нас в стране жизнь женщины».

ВОПРОСЫ.

Л. Кучина: Вы говорите о творчестве женщины, но не развиваете эту мысль. Что именно вы подразумеваете под чисто женским аспектом творчества — только творчество в любви, в семье?

Н. Малаховская: Нет, я считаю, что женщина может и должна творить во всех сферах жизни, а женский аспект творчества я вижу в том, что для женщины, в отличие от мужчины, прежде всего важна цель творчества. Она не может творить бесцельно, ради процесса творчества, как это часто случается у мужчин, у которых профессионализм порою становится чуть ли не единственным мериллом человеческой значимости.

Юлия ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Домашний концлагерь

Ю. Вознесенская: Вот почему мы видим столько христиан, опытом своей жизни опрокидывающих христианство. Даже христианство может стать профессионализмом.

Дело в том, что в стране, где государственная власть носит тоталитарный характер, происходит проникновение государственности во все другие жизненные системы: в наш быт, наши привычки, наше общение. Семья, школьный коллектив, коллектив производственный — все они являют собой отражения государственной системы, все строятся по схеме тоталитаризма, автократии. В

обычной советской семье, мельчайшей ячейке государства, отношения повторяют привычную схему: имеется авторитарная власть одного лица, основанная на демагогическом утверждении абсолютной правоты «главы» семьи (как правило, мужа или жены, реже — тещи, свекрови, свекра), имеется своя партократия — любимчики деспота, приближенные к нему, облеченные некоторым доверием и привилегиями, имеется и свой безропотный «народ»: дети, бабушки и дедушки, слабейший из супругов. Проще говоря, всегда есть свой «генсек», своя «партия» и своя «масса». Таким же точно образом строятся и прочие сообщества, в том числе и те, что принято называть «кругом знакомых», «кругом друзей», «компанией». Что бы ни объединяло людей в дружеские сообщества: творческие интересы; родственные связи, «хобби» или даже дело, святое для всех, которому все члены сообщества готовы отдать жизнь. — Ядовитое тело государства прорастает их, отравляет их организм метастазами фашизма или большевизма, что на мой взгляд абсолютно одно и то же. Даже группы правозащитников и творческие объединения «второй культуры» заражены этой болезнью: жажда лидерства со всеми ее пороками и жажда иметь лидера впереди себя, чтобы было за кем идти, кому слепо подчиняться, нетерпимость ко всякому инакомыслию (даже в среде инакомыслящих!), строгая требовательность к низшим по рангу и полная бесконтрольность и всевластие гегемонов, догматизм и демагогия, — все тот же сон!..

Пожалуй, единственное сообщество, в котором я наблюдала общение равных, основанное не на авторитарных отношениях, а на любви и творческом содружестве — это участники христианского семинара по вопросам религиозного возрождения России, руководителями которого были Александр Огородников и Владимир Пореш. У них искоренено это подражание государственности, движение к Богу у них совершалось в общении между людьми.

Даже у «бомжей», людей, полностью отверженных, внутренняя культура общения выше, чем в заводских, институтских и прочих наших «нормальных» коллективах. Новые братские отношения появляются у «хиппи». Но пока еще такого рода отношения встречаются крайне редко. Тем радостнее и удивительнее было мне видеть, что в только что (впервые в России!) зарождающемся феминистическом движении, у которого нет основополагающей теории, нет пока четко выраженной идеологической платформы, нет даже устава (ура, кажется, и не будет!) — в этом еще только слагающемся движении сразу выявился новый тип общения, зародился новый организм, развивающийся по совершенно иной генетической программе. Я говорю о клубе «Мария». Если движение, возникшее вокруг альманаха «Женщина и Россия», внесло новые идеи в демократическое движение, то клуб «Мария», в первую очередь явил собой новое демократическое сообщество в действии. Пусть нас немного, чуть более десятка, но уже ясно, что лидеров среди нас нет и к лидерству никто не стремится. И в первую очередь это раскрепостило тех, кто еще вчера был на этих ролях в других сообществах. Когда никто не диктует, когда высказываются все — вот тогда-то и исключаются всякого рода «базары» и пустые разглагольствования: никто не декларирует во славу себе, но каждый говорит свое слово как равно правомоч-

ный и равно ответственный. Там, где нет «инициативной группы» — инициаторами становятся все, где нет главного редактора — за журнал отвечают все. Нам удивляются, нам даже пытаются навязать привычную схему: «А кто у вас руководитель? Инициатор? Редактор?» Делают на этот счет и навязывают нам свои предположения. — Мы все и никто в отдельности! Впервые я вижу на практике претворенными в жизнь демократические принципы творчества, и мне этот опыт — опыт создания первого подлинно демократического коллектива — представляется едва ли не самым важным нашим открытием. И мы должны беречь и утверждать то, что нас соединило и объединило: демократичность не на словах, а на деле, любовь друг к другу и взаимное уважение, готовность понять друг друга в самой сложной ситуации, абсолютная вера в чистоту помыслов всех наших подруг, полное доверие с одной стороны и потребность быть открытым во всех делах и помыслах, связанных с общим делом, у каждого.

Ну что ж, приходится признать, что, по-видимому, здесь сказалось отсутствие мужчин.

При всем уважении к диссидентам и деятелям «второй культуры»*, среди которых у меня много самых близких друзей, с кем я многие годы работаю плечо к плечу, я должна (со снисхождением к простительной слабости!) заметить, что тщеславие и стремление к авторитарности свойственно почти всем. Да что там говорить, сама в лидерах ходила — по печальной необходимости. Оказалось, что демократичность в самом глубоком смысле женское качество. Ничего, мы потом поделимся опытом с мужчинами. А пока будем охранять наше сестринское содружество от малейшей заразы большевизма.

Другой особенностью нашего феминистического содружества я вижу его неразрывную связь с общим демократическим движением. Это порождает несколько иное отношение к мужчинам, чем то, что мы наблюдаем во многих западных феминистических группировках. Мы не рассматриваем наше движение как антимужское, мы не испытываем ненависти к другому полу. Но гермафродитизм как средство формирования «государственного человека» мы отрицаем и объявляем ему войну. Рабству большевистского гермафродитизма мы противопоставляем развитие женщины во всей полноте и красоте ее пола: женщины-личности, женщины-матери, женщины свободной. Мы не отрицаем традиционного союза между мужчиной и женщиной, но считаем его реальным только между свободной женщиной и свободным мужчиной. Мучительный и мучительский союз двух рабов, к тому же лишенных по воле государства и традиционных основных нравственных половых признаков — нам отвратителен. Нам одинаково неприятны и жалки и мужчины, и женщины, потерявшие чувство собственного достоинства, гражданское самосознание, уверенность в своей индивидуальной значимости, возможность проявлять себя в творчестве. Это наши общие потери. Но мы говорим особо о сугубо женских потерях: о

* Или, как мне больше нравится, «иной культуры».

потере гордости и всех прав матери, жены, хозяйки дома, о потере творческой роли носительницы прекрасного, о потере уверенности возлюбленной в том, что есть кому защитить ее жизнь и честь. Мужчины имеют свои, сугубо мужские потери: утрата обязанностей гражданина участвовать открыто и свободно во всех делах государства, утрата рыцарства и права на рыцарство, утрата возможности быть кормильцем и опорой семьи, утрата права быть защитником жизни и чести своей подруги. Но это уже — не общие наши проблемы, и мы предоставляем мужчинам терпеть свое особое мужское рабство или самим бороться за создание в себе свободного человека из раба. Тем же, кто борется против нашего общего большевистского рабства — этим мужчинам мы протягиваем руку солидарности и дружбы. Мир сейчас находится в таком положении, что ему нужны настоящие женщины и настоящие мужчины.

Дискуссия на тему Феминизм и Марксизм

Т. Горичева: На Западе феминистские движения часто бывают связаны с различными левыми течениями, в том числе с марксизмом. Я видела французские газеты, в которых фотографии авторов альманаха «Женщины и Россия» напечатаны рядом с портретами Ленина. Сегодня мы постараемся как можно более четко сказать о нашем мировоззрении, ответить на вопросы о нашем отношении к марксизму и о том, каким, по нашему мнению, должно быть феминистическое движение в России.

— Соня, расскажи, пожалуйста, как ты представляешь смысл феминистического движения?

С. Соколова: Я представляю себе женское движение как братство на основе христианской любви.

— А что бы ты хотела сказать по поводу поставленной проблемы об отношении к марксизму?

— Отношение к марксизму у меня самое отрицательное. У марксизма нет духовной основы, нет принципа любви, нет поиска духовных истин, красоты, искусства. — есть принцип живота: все поровну, жратвы вдоволь — вот его идеал. Марксизм — не любящая никого теория. Только прислушайтесь к его словам: класс, партия, идем, бьем, победим. Если на Западе феминистические движения часто соединены с марксизмом, то у нас это невозможно.

Ю. Вознесенская: Я всегда придерживаюсь чисто демократических принципов: всякая теория имеет право существовать и развивать себя. Но ко всем экстремальным проявлениям этой теории я отношусь как к преступности. Я сужу людей не по тому, какой теории они придерживаются, а по тому, каковы они для своих ближних.

Я не против теории — я против преступности, против большевизма, т. к. против насилия. Теория ничего не решает, чем более каждая из них развивает себя, тем меньше опасности, что одна из них станет господствующей. Необходима терпимость к человеку, нетерпимость к преступности.

Общественную значимость человека я определяю через его общение с ближними независимо от того, какие теории он проповедует.

М. Челнокова: У западных людей нет опыта марксизма, для нас он — жизненный опыт. В марксизме нет ни морали, ни нравственности. Ленин говорил: «С противниками надо не бороться — их надо уничтожать».

Ю. Вознесенская: Ленин проповедовал не марксизм, а бандитский большевизм. Я не против марксизма, но против большевизма, т. к. он — бандитизм. У меня при последнем обыске была изъята книга воспоминаний о фашистских лагерях в Испании и альбом итальянского художника-авангардиста и коммуниста Пьетро Нинкери: я добровольно отдала им эту книгу, надеясь, что после этого Нинкери покинет ряды компартии.

Широк круг врагов КГБ: в который раз они изъяли и Ахматову.

Т. Горичева: В России марксизм не может быть чем-то живым и вдохновляющим. Он успел себя похоронить, и на его могиле возвышается мощный ГУЛАГ — который не сдвинет ничто. У нас в России марксизм проповедуют только продажные карьеристы и подлецы. Но я не верю также и в марксизм с человеческим лицом, проповеданный на Западе, потому что основа марксизма — это цинизм, откровенная ненависть к человеку. В нашем государстве марксизм стал силой явно сатанинской. Вместе с тем мне кажется, что наш журнал и наше движение не должны быть большевистски нетерпимыми. Главные принципы нашей работы — это терпимость и любовь. И все то, что живо и выстрадано, должно быть на наших страницах, даже если оно принимает форму, идеологически нам чуждую.

Л. Васильева: Марксизм — тяжелая болезнь сознания, карма, которую выстрадали миллионы — и возвращения к нему не будет. Пускай реальность бросается на нас с законами, лозунгами, бытом марксизма, давит и рушит, — это бессмысленно. Сознание многих свободно от этой лжи и открыто духовным ценностям. Очень жаль, что на Западе еще существует иллюзия марксизма, несмотря на наш страшный опыт, на призывы Солженицына и других подвижников. Не хотелось бы, чтобы Европа выстрадала марксизм на опыте.

Н. Лукина: Марксистская теория выходит из абстрактных объективных задач, не имеющих никакого отношения к реальности: в этом ее страх и ужас. Самая противоположная ей точка — феминизм, т. к. женщины всегда конкретны, они всегда стоят на материальной почве, впитывая духовные начала жизни. Если говорить о структуре, наше движение — тонкое и узкое, в то время как движение марксистов строится на индустриальной основе, на решении глобальных проблем, которые в жизни не существуют. Они существуют в абстракции, а нас объединяет сфера жизни. Кто-то из нас — призрак, и жизнь должна решить, кто.

Н. Малаховская: Я хотела бы добавить только одно: не надо снимать с Маркса его часть вины. Он прекрасно знал, что делал — точнее, что он хотел создать, то у нас в стране и сделали. Стоит только внимательнее вчитаться в его работы, и это станет ясно. Вот, например, в «Критике национального вопроса» Маркс объясняет, почему ему так не нравится политическая демократия: «...политическая демократия является христианской, поскольку в ней человек, — не человек вообще, но каждый человек, — считается суверенным, высшим существом, притом человек в своем некультивированном, не социальном виде, в случайной (!) форме существования, человек, как он есть в жизни... словом, — человек, который еще не есть действительно родовое существо». И далее Маркс заявляет, что признавать суверенным существом следует человека только после того, как он превратится в «абстрактного государственного гражданина» со строго регламентированным набором «государственных» добродетелей.

И разве эти заветы Маркса не претворены в жизнь? Взять хоть вопрос о правах человека. Разве абстрактный Человек (тот, который звучит гордо) не имеет у нас прав? Конечно, имеет, об этом день и ночь твердит радио, пишут все газеты. Ну, а все мы — мы слишком конкретны, чтобы эти права иметь, мы звучим, видимо, недостаточно гордо. Ведь прямо так по радио и говорят: в Советском Союзе человек имеет все права, а вот отдельные личности возмущаются, что у них-де нет таких-то и таких-то прав! И действительно: они же не тот Человек, которого рисуют на плакатах и которого на самом деле, конечно, никогда не было. Они — по Марксу — недостаточно абстрактны для того, чтобы иметь права.

А разве этим не все сказано? У нас все делается для «блага человека», т. е. марксова «абстрактного государственного гражданина», т. е. для блага того, кого нет, ценою блага тех, кто есть. Еврокоммунисты должны очень и очень хорошо подумать, не пересмотреть ли им отношение к этой теории, пока не поздно. По-моему, марксизм на Западе пользуется популярностью только из-за невыносимой занудности стиля Маркса, которая мешает широким массам читать его бессмертные творения в их истинном виде: люди предпочитают верить популяризаторам, не всегда беспристрастным. Так ведь можно спекулировать и тем, что наше государство подписало Декларацию прав человека, в то время как ее постоянно изымают при обысках, а в библиотеках ее невозможно достать.

Ю. Вознесенская: У Пореша при обыске изъяли Декларацию прав человека как самый криминальный документ.

Н. Малаховская: Марксизм настолько абстрактен, что все конкретное ему не просто чуждо, но и страшно. Казалось бы, как говорила мне Таня Михайлова, странно воспринимать феминизм как движение, направленное на ниспровержение основ общества: ведь женщина всегда созидает, а не разрушает. Однако, власти восприняли наш альманах именно таким образом, и, по-моему, больше всего их испугала конкретность того, о чем мы писали, и конкретность нас самих, нашей дружбы. Их ужас лучше всяких слов доказывает истинность формулы

Хаксли из его романа «Этот новый прекрасный мир»: «When the individual feel, the community reel». («Когда человек чувствует, общество колеблется»).

Т. Михайлова: Я считаю, что женщина прежде всего — мать. поэтому функция женщины — охранительная: охранять очаг от бед. Мы сейчас поставлены в такое положение, что современная женщина является матерью и для своего мужа, не только для своих детей. И мне кажется, что наше движение должно быть движением за возрождение мужчин, т. к. женщины уже устали нести бремя **всего** на своих плечах. Мы хотим быть не только матерями, но и женами. Раньше любимый цветок — дочь — родители вручали мужу, чтоб он ее любил и лелеял, а теперь мужчину вручают женщине, жене, чтоб она его любила и лелеяла.

Настоящие женщины достойны настоящих мужчин: в России прекрасные женщины, я думаю, они заслужили нормального человеческого счастья. Женское движение должно бороться за полноту жизни, за женское и мужское начало, соединенное в нормальную семью.

Л. Васильева: Феминистическое движение вызвано временем. Женщины в нашей стране — в тяжелейшем положении, в условиях гнета социального, бытового и полового (в том смысле, что обездоленные мужчины компенсируют свой страх и беззащитность перед реальностью на женщине). Ситуация требует выхода. Я думаю, что конкретный выход еще не ясен, он очертится со временем. Но женщины должны объединиться для того, чтобы показать миру и, прежде всего, себе самим, свои проблемы и взаимно, в любви и сотрудничестве, разрешать их. Мужчина сейчас не поможет женщине обрести себя. И мы, женщины, невзирая на биологизм женского стада, **можем** должны помочь друг другу. Это возможно только в перспективе духовного совершенствования каждой в отдельности и всех вместе.

Ответы на анкету журнала «Альтернативы»

1. Считаете ли вы себя феминистками в том значении, какое принято на Западе?

— Мы слишком хорошо изолированы от Запада, чтобы дать Вам квалифицированный ответ на этот вопрос. Мы (большинство из нас) знаем очень немного о Западных феминистических организациях и движениях, слышали, однако, что многие из них «левые», «марксистские», «гошистские» и т. д.

Как показала недавно проведенная конференция клуба «Мария», к марксизму и всем подобным ему течениям у русских женщин отношение однозначное: марксизм — это ориентированная на прагматизм, циничная идеология, уничтожающая и подавляющая человека.

Предназначены для журнала «Альтернатива».

В России, благодаря ее кровавому опыту, ценой миллионных жертв, мы перекинули иллюзии, связанные с возможностью насильственно-революционного изменения общества. Мы ясно поняли: никакие внешние политические и социальные реформы не могут изменить положение женщины. Только великая духовная метаморфоза, только религиозное преобразование жизни сможет освободить ее.

Именно это отличает русский феминизм от западного — его ориентация на духовно-религиозные ценности.

2. Многие из вас выражают сомнения в том, что в СССР может возникнуть «феминистическое движение». Считаете ли вы такое движение реальным?

- Да! Ибо мать защитит свое дитя. Жены-хранительницы домашнего очага. Женщины-матери прекрасно понимают друг друга с полуслова, поэтому мы считаем, что феминистическое движение в России будет расти и крепнуть как в социальном, так и в духовном смысле. Как свидетели этого события приведем пример:

Когда работники КГБ рьяно взялись за разгром альманаха «Женщина и Россия», то с поддержкой выступили женщины Запада, с одной стороны, с другой же — женщины России. В поддержку издателям альманаха «Женщина и Россия» появляется на свет второй женский журнал — «Мария» и, более того, создается клуб «Мария». Все это происходит в очень короткий срок. Количество участников и сочувствующих не сокращается, а увеличивается. Мы считаем это движение реальным, потому что у женщин нашей страны нет иного выхода.

3. Почему женщины у вас так долго молчали? Случайно ли, что молчание нарушилось именно в Ленинграде?

Женский вопрос долгое время был скомпрометирован пресловутой «эмансипацией», убожеством проектов освобождения женщины, которые существовали в г. н. «передовой» и демократической русской мысли. (Мы привыкли смеяться над Чернышевским со школьной скамьи). Западный же феминизм нам казался чем-то легковесным. Обычная реакция на него — «с жиру бесаться».

Нам кажется, что вопрос следовало бы поставить немного по-иному: не «почему женщины так долго молчали», а почему они молчали о своих женских бедах? Может быть, виной тому терпение и скромность, присущие женской природе, привычка прежде всего заботиться о несчастиях других, а свои беды ставить на последнее место. Но было и другое. В СССР все важнейшие вопросы жизни принято замалчивать, табу наложено и на вопрос о женщине, и на вопрос о поле, и на вопрос о сексуальной революции. Женщины, к которым мы обращались с просьбой написать об ужасном опыте советских роддомов и абортариев, часто отвечали: но ведь это всем известно, что я могу сказать нового!

Поистине, Гулаг стал каждодневным содержанием жизни советской женщины, и к этому аду так привыкли, что если и возникает в голове какая-то возмущенная мысль, она немедленно отсылается в глубины молчаливого подсознания. Вот почему женщины молчали.

заговорили прежде всего те, кто был и раньше способен не молчать. Деятели неофициальной культуры, представительницы дем. движения, участницы религиозных семинаров. Произошло это в Ленинграде и, как кажется, не случайно.

В Ленинграде женское движение связано с культурным, а среди деятельниц неофициальной культуры много не просто «заурядных», а выдающихся во всех смыслах женщин. Кто-то даже сказал о «феминизации» ленинградской культуры.

Есть и другие причины, выделившие Ленинград. В Ленинграде быт диссидентских семей сильно отличается от московского. Это — город нищеты и неустроенности. На женщину возложено двойное бремя — бремя борьбы за свободу и каждодневные, изнуряющие заботы о хлебе насущном.

Может быть, это движение возникло в Ленинграде еще и оттого, что, как сказал один из художников-нонконформистов, выйдя из тюрьмы: В Ленинграде я не встретил ни одного мужчины, кроме женщин.

4. Думаете ли вы, что вам есть на что опереться в виде традиций и опыта? (например, движение за эмансипацию в России 19 века...) Что в этих опытах вам кажется полезным, а что утратило смысл и значение?

— В России 19 века существовали, с нашей точки зрения, две одинаково непривлекательных «модели» идеальной женщины. Они представлены в своих крайних проявлениях Чернышевским и Толстым.

Чернышевский отталкивает своей поверхностностью и убогой рассудочностью (хотя его уважение к женщине, восхищение женщиной очень привлекательны).

Толстой уводит в другую крайность — женщина понимается только как «самка», как средство к деторождению, что, естественно, является в наших нечеловеческих условиях жизни утопией.

Наш проект — обретение Бога через свободное обретение себя — не терпит подобного механицизма и упрощения.

Еще более отталкивают нас эксперименты 20-х годов. Принудительная уравниловка только погубила семью и породила огромное количество несчастных людей.

5. Как созрел ваш почин? Считаете ли вы, в частности, невозможным помещать статьи на феминистические темы в других изданиях? Почему вам представляется необходимым существование отдельного журнала?

— Наш почин созрел почти неожиданно для нас самих. В Ленинграде существовало к сентябрю 79 года несколько самиздатских журналов, ориентированных главным образом на проблемы неофициальной культуры и религии (главные из них «37» и «Часы»).

Эти журналы не могли вместить в себя женскую проблематику хотя бы потому, что она слишком острая, слишком злободневная. Это не соответствует принципиально отчужденному, философски-рефлектирующему тону ленинградского самиздата.

Кроме того, журнал — это особый вид общения, это — дружба.

Между женщинами-инициаторами движения сложились такие глубокие, по-христиански целомудренные отношения, каких еще не наблюдалось в работе других групп и кружков. Женщин объединяет общая боль, общее бесстрашие, общая способность к жертве. Многие из нас долгое время с большим или меньшим успехом следовали мужскому идеалу литератора, деятеля, удостоивались порой сомнительных похвал вроде «у нее мужской ум» или «она пишет мужские стихи». Но теперь мы очень рады нашему объединению: в общении женщин гораздо меньше тщеславия и глухоты, которые можно наблюдать в работе мужских и «смешанных» самиздатных группировок.

Активные участницы движения — Вознесенская, Малаховская, Горичева — уже имеют достаточный опыт в работе самиздата, поэтому их привлекает в специфически женской форме общения большая ответственность, преданность делу, стремление к высоким ценностям любви и отвержение себя во всем.

6. Являетесь ли вы единомышленниками в том, что касается общих вопросов или вы являетесь сторонниками различных убеждений, объединяемых лишь специально женской проблематикой? Если верно последнее, то какие именно убеждения представлены в вашей среде?

— В настоящее время среди участниц движения существует как бы два направления. Условно их можно назвать атеистическим и религиозным. (Клуб «Мария», куда входит большинство женщин-участниц движения, опирается на христианскую традицию). Но нужно сказать, что прежде всего мы — единомышленники, нас больше объединяет, чем разделяет: у нас общая цель — раскрепощение женского начала, у нас общая ориентация — (духовная прежде всего), мы все считаем также, что феминизм является составной частью общедемократического движения, что это движение прогрессивное.

7. Считаете ли вы, что развитие женских движений на Западе оказало влияние на вас? Какое именно?

— Оказало влияние своей значимостью, но не своей философски-идеиной направленностью.

8. К кому вы адресуетесь? Стремитесь ли вы к расширению круга читателей преимущественно или только среди женщин?

— Стремимся к предельному расширению круга читателей. И, хотя журнал адресован женщине, он поднимает и общие проблемы, его полезно прочесть и мужчинам.

9. Думаете ли вы говорить от имени всех женщин или только от имени женщин какой-то одной среды? Интересуют ли вас, в частности, специфические проблемы женщин в деревне, в нерусских районах?

— Мы хотели бы говорить от имени всех женщин, осветить самый широкий круг тем и проблем. Нас интересует одинаково и положение «эмансипированной» интеллигентки, и тревоги простой женщины, не знающей, как прокормить семью, как устроить ребенка в ясли, как справиться с пьяницей-мужем и т. д. В будущем мы надеемся остановиться на страницах нашего журнала и на положении женщины в деревне, в нерусских окраинах.

10. Какой отклик получил ваш журнал в разных средах? Отличается ли отклик женщин от отношения мужчин?

— Без колебания можно сказать, что альманах «Женщина в России» стал самым демократическим и вызывающим всеобщий интерес журналом в Ленинграде. К сожалению, те немногочисленные экземпляры, которые были у нас на русском языке, исчезли в недрах КГБ. Но многие уже успели прочесть.

Реакция обычно резко противоположная: или восторженная, или снобистски-раздраженная, но всегда очень живая.

Все, читающие журнал, признают его необходимость и «жгучесть» поднятых проблем.

Нужно сказать, что журнал «ошеломил» и в положительном, и в отрицательном смысле слова. Одних — смелостью в постановке вопросов, яркостью свидетельств, неприкрашенностью рассказов. Других этим же оттолкнул, показался слишком «эмоциональным» и субъективным.

Отношение мужчин (не всех, конечно) несколько отличается от отношения женщин. Многие обиделись, словно мы задели каждого из них лично. Самое интересное, что после того, как появились перепечатки нашего альманаха во французских изданиях, отношение к нему мужчин заметно улучшилось. Многие пишут для нас статьи, кое-кто просился принять его в клуб (в каждом отдельном случае мы будем определять возможность мужского участия в нашем журнале особо, на наших собраниях). Мы, конечно, вовсе не настроены радикально антимужски. «Женская» тема, тема Софии и «вечной женственности» постоянно вставала как одна из центральных в русской философии, богословии, поэзии. Многие возвышенные умы (как мужские, так и женские, хотя чаще мужские) посвятили ей лучшие часы своего вдохновения.

Вся русская литература пронизана благоговейным отношением к женщине, в которой одной видят спасение и свет. (Ведь не случайно, что почти нет в русской классике положительных мужских образов).

И, наконец, особое заступничество Пресвятой Владычицы, укрывшей Россию своим покровом, странствующей по нашей земле в виде простой русской женщины, спускающейся в самый ад русской жизни. Все эти темы — наши общие и ставить мы их будем также совместно, используя помощь мужчин, «созревших» до понимания важности встающих вопросов.

11. Говорят, что диссиденты приняли журнал холодно. Если это так, то в чем причина?

— Мы ничего не слышали о диссидентах, принявших журнал холодно. Нам удалось говорить с весьма крупными представителями диссидентского движения, они приняли появление нашего журнала с радостью, отнеслись к нам заботливо и сразу предложили свою помощь. Правда, создается впечатление, что некоторые не осознали вначале, что же, собственно, произошло. Помогла поддержка западных феминисток — теперь те, кто «приняли журнал холодно», рвется в феминизм. Но мы стараемся принимать в свой клуб людей близких по духу, бескорыстно преданных идее, глубоко выстрадавших свои мысли.

12. Считаете ли вы себя частью демократического движения? Рассчитываете ли вы на его поддержку? Есть ли в дем. движении тенденции, которые ближе всего к вашим побуждениям и интересам?

Да, считаем. На поддержку рассчитываем. Самые близкие нам тенденции — религиозная, правозащитная, культурная.

13. Женщины в диссидентстве:

— являются ли они меньшинством?

— как их вообще там принимают?

— существует ли разделение «функций» между женщинами и мужчинами?

— помогая своим мужьям и друзьям-мужчинам, рассматривают ли женщины это как собственное действие или же делают это просто потому, что они связаны судьбой?

— верно ли, что с точки зрения диссиденток, положение женщины, хотя и тяжелое, но в принципе не отличается от положения мужчин?

Если это так, то объясните эту точку зрения.

Сейчас, когда самые смелые и деятельные мужчины сидят в тюрьмах, демократическое движение (думается, как в Москве, так и в Ленинграде) стало поистине дам-движением. Женщины диссидентского движения ни в чем не уступают мужчинам. Можно даже сказать, что круг их обязанностей и дел значительно шире мужского. Они могут выполнять самую «черную» и скучную работу (они, обычно, — машинистки, переплетчики, корректоры), они более аккуратны и организованы, но они же одновременно не уступают мужчинам ни в смелости, ни в способности ясно и четко осмыслить ситуацию. Конечно, их охотно принимают в диссидентские группировки («за одну такую женщину можно десять мужиков отдать» — не редкий «комплимент» в диссидентских кругах).

Теперь о соотношении «личного» и «общественного».

Начиналось дем. движение среди мужчин. Первые женщины, вошедшие в движение, начали с протестов в защиту, с помощи семьям политзаключенных. Велико количество женщин, которые шли за мужьями-мужчинами и даже сыновьями, многие из них заменили потом своих мужей на посту.

Но уже с самого начала были и самостоятельные фигуры: Мальва Ланда, Гатьяна Ходорович, Ирина Каплун, Наталья Горбаневская, Елена Боннер, Юлия Вознесенская, Наеле Садунайте, Татьяна Шипкова и др.

Мы не знаем диссиденток, которые считают, что положение женщины в нашей стране в принципе не отличается от положения мужчин. Можно, однако, предположить, что при развитом в нашем обществе духовном гермафродитизме существование подобных взглядов не исключено.

14. Окидывая взором всю русскую историю, включая историю Сов. Союза, можно ли сказать, что у женщин здесь особенная судьба? Если да, то в чем она заключается прежде всего по сравнению с исторической жизнью мужчин?

— Судьба, действительно, особая. В Советском Союзе у женщины мессианская судьба: восстановление и раскрытие попорченного, задавленного «человека», «пола», «истории».

Если окинуть взором историю нашего народа, то мы заметим очень мало перемен в положении женщины. Настолько мало, что к положению женщины в наше время можно отнести строки, написанные Некрасовым более 100 лет назад:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
И третья — до гроба рабу покоряться...

Женщина была и остается **рабой раба**. т. е. она находится в двойном рабстве. Мужчина, вставленный в механизм рабства, механически переносит рабовладельческие отношения в семью. Каждый удар, полученный им в социальной жизни, он спешит передать женщине — не надо при этом забывать, что в наше время женщина, вынужденная и на работе, и в магазинах, и в прачечных и т. д. сталкиваться с социальной средой, и без того получает таких ударов в несколько раз больше, чем мужчина. Каждый пьянчуга, самый задрипанный, презираемый член общества имеет существо еще более несчастное и забытое, на котором вымещает свои обиды.

И вместе с тем у женщин России великая миссия — вернуть человека к самому себе и к Богу, противопоставить Любовь насилию, свергнуть власть холодного, бездушного техницизма, заставить обратиться к ценностям сердца и духа.

Все тяжелые последствия революции ударили прежде всего по неподготовленному мужчине. Женщину труднее сломить — слишком долго давили, это упругий материал. В результате, несмотря на двойной гнет, она оказалась сильнее мужчины. Она сейчас активнее, сильнее, цельнее мужчины. Женщины берут на себя задачу общего раскрепощения сознания, спасения высших духовных ценностей, спасения человека вообще.

15. За пределами вашей инициативы есть ли женщины или мужчины, которых занимала или занимает феминистическая проблематика? (Например, «Неделя как неделя» Баранской является все еще злободневным произведением, как его приняли в момент выхода?)

— Да, они существуют, но журнала до сих пор не было, и, хотя таких людей много, они разобщены. Проблемы повести «Неделя как неделя» не сняты, разве что еще более усилены, но о самой повести говорят много меньше, чем в момент ее выхода.

16. Часто говорят о феминизации мужчин в том смысле, в каком у многих женщин проявляется стремление больше не работать, а сидеть дома. Эти явления реальны?

— Реальны в тысячах примеров. Мужчины у нас сейчас — слабый пол. Может быть, пример с работой не самый удачный, поскольку причина сидения дома —

невозможность работать на работе (это одинаково развращает и женщин и мужчин), поскольку нужно выполнять бессмысленные действия.

Мужчины феминизированы, естественно, невозможностью проявлять себя, свое инициативно-мужское начало в условиях бюрократического, административного и идеологического подавления личности.

Они феминизированы также в результате отсутствия должного воспитания в советских семьях. Они не могут расстаться со своей инфантильностью и «женской» в дурном смысле слова психологией, потому что часто воспитываются без отца матерью, которая калечит ребенка неумеренным и истеричным эротизмом, не заботясь о его становлении личностью и индивидуумом.

17. По вашему мнению, в каком направлении может в ближайшее время измениться положение женщины в СССР (к лучшему, к худшему?)

Положение женщины вряд ли может измениться к лучшему: усугубляется экономический кризис, растут цены на продукты, все больше пьянства, преступлений, все более адской становится повседневность.

Но в плане духовного состояния женщины мы ждем перемен. Все больше растет в ней чувство внутренней свободы, все сильнее жажда вырваться из прижизненной могилы.

18. Заставляют ли последние события развивать ваш проект в другом направлении, чем было первоначально задумано?

Последние события ко многому обязывают нас. Обострился политический кризис внутри страны и за рубежом. Внутренний кризис выразился в той волне репрессий, которую можно назвать «антидиссидентским преодолительским марафоном». Всеобщее возмущение и протест вызывает экспансия в Афганистан. Благодаря ей возникло несколько молодежных диссидентских группировок. Такие события не могут пройти мимо внимания женщин. Феминистическое движение возглавило протест матерей, одной из главных своих целей оно полагает цель борьбы за мир, разъяснения матерям того факта, чем действительно является война в Афганистане, призыв к ним рвать повестки и предложить своим сыновьям почетную тюрьму вместо позорной смерти солдата-агрессора.

Мы заинтересованы в расширении наших связей со всеми прогрессивными организациями мира, мы от всей души благодарим Les Femmes, Tierce, комитет защиты ленинградских женщин и другие феминистические организации за поддержку, понимание, за дружбу.

К сожалению, о нас знают больше на Западе, чем в родной стране. Поскольку главные наши цели — воспитательные, то одним из плодотворных выходов из создавшегося положения было бы создание специального отдела при одной из радиостанций, ведущих передачи для Сов. Союза, где бы регулярно передавались материалы существующих женских журналов («Женщина и Россия», «Мария»). Только эта мера могла бы приблизить наши журналы к той аудитории, ради которой они создавались.

Наш первоначальный проект не изменился, все происходящее лишь призывает нас еще более самоотверженно бороться за духовное, социальное и

природное освобождение женщины, за женщину новой России, России, несущей всему миру весть о победе Любви над насилием, Света — над тьмою.

(Ответы составлены на собрании клуба «Мария»; их разделяют все участники клуба).

Письма по молитвам к Богородице

О ДУХОВНОМ НИЩЕНСТВЕ

Хотелось рассказать тебе о том, как Пресвятая Владычица открыла мне знание об узком пути, дала право на духовное нищенство.

Само девство Богородицы — знак пустоты, полного доверия Богу. Ее девство — смирение и ожидание, символ того, что Она — слабый, хрупкий сосуд.

Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное!

Бог избрал слабое этого мира, чтобы воссияла Его сила. Девство Марии — знак скрытой, потаенной жизни, прекраснейший образ внутреннего человека.

И какой разительный контраст между тем, что открылось нам в Богородице и тем, к чему стремились мы в своей прежней, языческой жизни!

Здесь, через Нее, — узкий путь спасения, там — широкая дорога погибели. Каковы были наши идеалы? К чему и по сей день стремится большинство лишенных Бога людей?

К тому, чтобы обладать «наибольшим количеством возможностей», чтобы быть широким человеком.

Воспеваются на все лады «гармонически развитая личность». Под ней же имеют в виду не что иное, как человека, умеющего все и занимающегося всем. Страницы газет и журналов пестрят рассказами об этих удивительных людях:

Он, например, замечательный токарь, у него двое детей, он успевает все: по вечерам посещает студию рисунка, учится в заочном техникуме, посещает институт марксизма-ленинизма, имеет первый разряд по футболу и т. д. и т. п. Она — прекрасная жена и любящая мать. Работает ткачихой, занимается в художественной самодеятельности, следит за новинками литературы.

Конечно, большинство этих портретов — выдумка и профанация.

Но важно то, что идеал всеядности и широкости с детских лет прививается советскому человеку. Он обучается быть жадным — поглощать, поглощать и поглощать. Не важно что, лишь бы копить.

Главный принцип — принцип количества и, соответственно, любопытства. «Хочу все знать» — вот фраза, подменившая духовную жизнь. Исчезло понятие духовной гигиены, перестали различать духов. Перестали вообще что-либо различать:

«Любопытство озабочено тем, чтобы видеть, но не тем, чтобы понимать виденное... Оно ищет новое, чтобы перепрыгнуть от него к другому новому... по-

этому любопытство характеризуется специфической непробываемостью у своего ближнего... В своей **непробываемости** любопытство заботится о постоянной возможности **рассеяния**. Любопытство не имеет ничего общего с удивленным созерцанием сущего, оно не хочет прийти к непониманию путем удивления, но оно озбочено знанием лишь для того, чтобы просто знать (Хайдеггер «Бытие и время»).

Пафос любопытства — пафос возможности, рассеянное непробывание у ближнего, бегство к дальнему, к тому, чего нет. Небытие как идеал, как последняя цель.

Идеал человека, наделенного несметным количеством возможностей, появился где-то в Возрождение, когда был открыт новый и удивительный мир, когда казалось, что человек способен на все. Пафос возможности был пафосом дерзания.

Позднее Кант заимствует свое представление о трансцендентальном идеале человека из понятия Николая Кузанского о Боге: Бог — это существо, наделенное бесконечным количеством возможностей. Со времен Просвещения свобода и совершенство человеческой личности связывается с ее «широкостью» и универсальностью.

Позднее, в 19 веке, возможность перестает быть чем-то окрыляющим и плодотворным. Она все больше отделяется от реальности, все больше бледнеет и теряет в весе. Появился эстетизм как игровое, несерьезное отношение к жизни, как постоянное бытие лишь в возможности, не в действительности. Но в красивой позе эстета сохранилось хотя бы воспоминание о прежнем дерзновении, о некогда вдохновляющем проекте человека.

Не так, совсем не так, понимают бытие в возможности сейчас, в наше прагматическое и жестокое время. Хомо советикус живет в возможности: это значит, он не может жить в действительности. Он еще не живет вообще. Не умеет, а, если и умеет, то не дают. Поэтому и остается заниматься сразу всем и ничем, воображая себя широкой натурой, на деле же прикрывая разговорами о «гармонически развитой личности» свою инфантильность и невыявленность.

Таковыми были и мы, пока не столкнулись с христианской истиной о «сокровенном сердца человеке», пока не нашли жемчужину, ради которой готовы отказаться от всех внешних благ, талантов и знаний, пока не озарили нас слова Апостола: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа и притом распятого».

Нас поразил **Реализм** христианства, его пребывание у ближнего, **конкретность** учения о человеке и спасении.

Мы, наконец, открыли, что каждый должен быть самим собой, **этим**, уникальным человеком, а не кем-то другим, который есть только в возможности, которого вообще нет.

Узкий и крестный путь — тот путь, по которому прошла Пресвятая Владычица — был открыт как единственно возможный и достойный человека.

И, не стыдясь, нарекли себя рабами Божиими.

Так называла себя Божья Матерь, предпочитая смирение и внутреннюю жизнь, цenia радость нищенства.

Раба Божья — значит, совершенно открытая Богу, совершенно послушная Реальности. Признав себя рабами Божьими, мы открыли выход из царства пустых и мертвых, никогда не осуществимых возможностей в Действительности, мы перестали быть бесплодными мечтателями, начали жить.

Одно признание себя рабой Божьей несет в себе спасительную, покаянную силу, притягивает Божью Милость, становится живой проповедью о тайне божественной любви:

Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значущее... для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1 Кор.).

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Мы встретили Ее, потому что были уже погибшими, потому что с детства получили совершенно уникальный опыт небытия. Нам не дали религиозного воспитания, мы росли в те годы, когда всякая связь с русским культурным и религиозным прошлым была уже прервана. Мы стяжали предельно несчастный и предельно несчастливый опыт. Наша душа столкнулась с ничто, не имея при себе никаких «механизмов защиты», будучи душой невинной и чистой. Никакие ценности культурной и духовной реальности не мешали нам встретиться с самым безотрадным фактом человеческого существования — со смертью. Было «чистое купание в ничто», был ужас неожиданного, всегда неожиданного нахождения себя в фактичности, в бессмысленной данности бытия. Такая «гносеологически» выгодная чистота не имела еще места в истории — русский человек 19 века был с детства облагорожен религией и воспитанием, европеец — тоже также защищен своей доброй традицией.

Итак, одних из нас уникальность нашего положения опустила до предельно низкого уровня, превратила в невротиков и непробиваемых материалистов, других же (их, конечно, меньшинство) заставила броситься в пропасть (ведь падать — то все равно нечего), и этот прыжок оказался спасительным.

Почему современный европейский человек так далек от идеи Бога?

Да потому, что он имеет слишком много приятно-относительных размышлений и занятий, чего не имели мы. И потому из одного абсолюта нас бросило в другой, честный и почти отчаянный прыжок в пропасть привел к неожиданному результату — чьи-то мощные руки подхватили решившихся на все — падение наш оказалось встречей с Небом.

Мы уже погибли, но были спасены. Богородицу у нас называют «взысканием погибших», заметь, не погибающих, а уже погибших, безнадежных.

Только чудо могло спасти нас — и это чудо пришло. Божья Матерь ходатайствует за род человеческий перед Богом, сдерживает Его гнев. Непостижима

Ее милость, ибо только непостижимая милость и любовь может преодолеть то, что мы успели усвоить на Голгофе нашего атеизма — страшную наготу и безжалостность бытия.

Философы называют пережитое нами по-разному: заброшенностью (Хайдеггер), обреченностью на свободу (Сартр), абсурдом (Камю). Все это испытали мы в России с удвоенной силой. Разве не приходит иногда на ум мысль, что окружающие нас несчастные люди уже живут в аду?

Но в православном предании Богородица спускается в ад.

Недаром так часто удавалось мне слышать рассказы простых русских женщин о встречах с Ней.

Невероятно близка Она мукам женского существования. Слышит каждый вздох, утирает каждую слезу.

«Не имама иные помощи, не имама иные надежды» — это о Ней поет в церкви наш народ.

Не раз писали, что православию присущ монофизитский уклон, т. е. что человеческая природа Христа открыта в нем в меньшей степени, чем божественная. В наше суровое время, среди гонений и притеснений, зрима, историческая церковь вынуждена стать еще более отвлеченной, еще более «нечеловеческой». Растет анонимно-магический элемент народного сознания. Бог все более удаляется от нас, покрываясь если не пылью, то золотом. Но это лишь половина истины.

Церковная жизнь — это жизнь в полноте, и усиленному монотеизму явилась не менее сильная антитеза: поклонение человеческому в Боге, молитва к Той, которая была человеком, хоть и вознеслась выше ангелов, явление Пресвятой Владычицы, чья любовь более ощутима, чем все катастрофы видимой жизни, в чьем заступничестве каждый верующий мог убедиться на опыте собственного существования.

Богородица явилась к нам тогда, когда мы могли принять лишь один тип веры — веру сверх надежды.

Дева Мария — первая христианка и мать верующих, подобно тому, как Авраам — «отец верующих».

Не случайны эти слова в песне Пресвятой Богородицы:

«Восприят Израиля отрока своего, помянуть милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его даже до века».

Авраам — начало веры, Мария — ее эсхатологическое завершение.

И в жизни каждого из нас повторился этот путь — от Авраама до Марии, от экзистенциальной религии абсурда (вспомни «страх и трепет» Кьеркегора) до радостной и благодатной жизни в вере, от одинокого «Бог искушает меня» до соборного «Богородице, Дево, радуйся!»

Она выводит нас из «пещи вавилонской» адского, обезбоженного существования, и новым светом сияют данные Ей когда-то имена:

Она «неопалимая купина», объятая пламенем Духа Святого.

О вере моей

Меня часто спрашивают, как это я в Бога уверовала. И мне трудно ответить на этот вопрос. Можно, конечно, рассказать о человеке, который... Но нет! Получится не о том, получится не о моей вере. Да, этот человек привел меня, уже взрослую, окончившую институт, в храм, как ребенка. И я стояла, искоса поглядывая на иконы и на молящихся. Сама не молилась, потому что не умела. Мне вдруг захотелось перекреститься — но почему-то не смогла, рука не поднялась...

Можно рассказать и о долгих наших разговорах, которые перевернули мои представления о мире, воспитанные во мне безрелигиозной (нет, даже атеистической!) семьей, пионерско-комсомольской школой и историко-педагогическим «верхним» образованием. О разговорах, в результате которых я **поняла**, что в этом мире нет ничего выше души человека, сотворенного по образу и подобию Божию.

Но стоит забыть человеку, что он, хотя и венец Творения — но все же тварное существо, грехом поврежденное, и начинаются страшные вещи! Поняла я, что Человек-с-Большой-Буквы, «белокурая бестия» и «супермен» из нынешних западных комиксов, — суть родные братья, порождение дьявольского царства кривых зеркал. И даже такая простая мысль как-то не приходила мне в голову, что главный постулат материализма — «материя вечна, бесконечна и никем не сотворена», — в общем-то, ничем не доказан и воспринимается именно на веру, хоть и называет себя материализмом научным и диалектическим.

И все это не о вере моей рассказ выходит, а о человеке, через которого Господь даровал мне прозрение. О человеке, благодаря которому я знаю очень многое из того, что я знаю. Но не о вере.

Однако, мне трудно сказать, когда я впервые чувством восприняла присутствие Бога в мире и в себе. Мне трудно сказать, когда я почувствовала, что сей мир еще не есть все творение Господне. Но наиболее сильно это было во время первого моего причащения.

В своих дневниках нашла я описание этого дня. Вот оно.

Причащение — таинство и тайна. С утра — в храм. Свечи зажжены, но все в полутьме. Почти никого нет. Жду долго. Почти бесконечно долго. Молю Господа простить мои грехи, хоть и много их, даже тех, которые сама помню. А сколько забылось! А сколько их по неведению совершено мною, и я сама их не знаю! Это бесконечно долгое моление о прощении и ожидание, пока выйдет священник и пригласит к исповеди, — как напоминание о том, что будет в Конце, при

Страшном Суде. Потом — исповедь, первая в жизни. Как, однако же, серы и однообразны грехи наши, если остается только головой кивать в знак согласия на перечисление их священником! Странно, что после исповеди, когда я с клироса спускалась, по телу пробежала судорога, — бес, что ли, вышел? А потом, перед причащением, я вдруг почувствовала, что — Праздник. Событие, какого в жизни моей еще не было. И правда, люди смотрели на меня светло и умиленно, как на детей смотрят, к причастию приводимых.

И когда, почти в полуобмороке, проглотила я то, что было в ложечке, а после запила тем, что — в чашечке, и кусочек просфоры съела, и спустилась вниз, то так тихо и светло стало на душе у меня, как никогда до этого времени не бывало.

И знаю я, се Господь душу мою осветил Светом Своим! Бедные, несчастные безумцы, не знающие этого сияния! Только по темной и жалкой гордыне своей, по слепоте и глухоте душевной могут они дерзнуть на Тебя, Господи! Просвети их души, помилуй и спаси их, Царю Небесный!

Такие озарения редки у меня, как, наверное, и у всех грешных людей. И недолги. Но память о них, и надежда, что Господь когда-нибудь еще осветит и освятит душу мою Светом Своего присутствия, и стремление к этому дают смысл и радость жизни.

А если, как говорят атеисты, жизнь — это только биологический процесс, то все мое стремление к совершенству, и все надежды, и мучительные поиски мысли и даже память моя преходящи, а в вечности — так и вовсе мгновенны, тогда — «лови мгновение», «бери от жизни все, что можно», и в конце концов — «все средства хороши», — чем не моральный кодекс уголовного мира?

Уникальное издание. Религиозный Самиздат

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Подписывайтесь на сборники „Надежда“! Вы получите богатую духовную пищу и в то же время поддержите это такое нужное для России издание!

За 3 выпуска при подписке:
непосредственно в издательстве н. м. 60.—
через представителей н. м. 72.—
Цена отдельного выпуска н. м. 24.—

„Надежда“ составляется и распространяется в России в машинописном виде. Долг наш — российской эмиграции — облегчить ее распространение на Родине, переиздавая за границей типографским способом. Без помощи читателей за рубежом мы этого издания продолжать не сможем. Уже сейчас издание „Надежды“ задерживается из-за недостатка средств, хотя у нас в „запасе“ лежит несколько новых выпусков, которых с нетерпением ждут читатели в России

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6320 Frankfurt a. M. - 80

АЛЬБОМ РАЗРУШЕННЫХ И ОСКВЕРНЕННЫХ ХРАМОВ

(Москва и Подмосковье — «Золотое кольцо»)

Художественное оформление. Специальная бумага. Твердый переплет. Большой формат (29 × 21 см). 224 страницы. 250 фотографий храмов до и после разрушения. Большое послесловие неизвестного автора — «Пределы вандализма. К истории российских храмов в XX веке».

Два пути, ведущие к Небу, ближе всего русской душе — Святость и Красота. На пересечении этих дорог возникло одно из высших проявлений гения нашего народа — русские церкви. Почти тысячелетие строили их наши предки, не только для себя, но и для нас и для наших детей. Но большинства их ни мы, ни дети наши уже не увидим, разве что на фотографиях, как в этом альбоме. Зато, может быть, эти фотографии помогут нашим детям разгадать загадку: что за существа посетили тогда нашу страну, для которых жизнь на одной земле с этой красотой была невозможна? И почему весь народ не схватил их за руки?

(Из «Альбома»)

Альбом посвящен Александру Солженицыну, а в Самиздате был выпущен к его шестидесятилетию. Альбом открывается его рассказом «Путешествия вдоль Оки».

Стоимость альбома — 45 нм + 3 нм за пересылку.

***Жертвуйте также на отправку альбома в Россию
(30 нм на экземпляр)***

Заказы и пожертвования направлять непосредственно в Издательство.

POSSEV-VERLAG, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M - 80

Айа ЛАУВА (Латвия)

Хозяин семьи

Откуда оно, это рабство? Может, из глубины каких-нибудь троглодитских времен, когда женщина была, так сказать, кухонно-постельной принадлежностью? Может быть и это, потому что ничто не возникает из пустоты. У всякого социального явления есть свои исторические корни. Но мне представляется, что нынешнее положение женщины в стране Советов имеет свои особенности, которых прежде не было. «Свободная» от свободного времени, измотанная очередями в магазинах после рабочего дня, дурным обслуживанием так называемой службы быта, женщина быстро старится, чувствует, что теряет свою женственность и привлекательность, что уже никому, кроме мужа (впрочем, и ему тоже) неинтересна и... позволяет обращаться с собой так, как и с рабынями-испожницами не обращались.

1.

Общежитие для рабочих в одном из городов Прибалтики. По иронии судьбы — 8 марта. В дверь, прихрамывая, входит (почти вползает) женщина в распахнутом халате. Дальше она идти не может и опускается прямо на цементный пол. Бормочет только:

Наденьку! Дочку заберите.

Мы — администрация общежития (я там работала воспитателем) уносим эту женщину в изолятор. После долгих расспросов, наконец, удается узнать, что муж этой женщины, Николай, вернулся домой пьяный и, как случается с ним в таком состоянии, злой. Когда она принялась его ругать, а, может, усовещивать, вынул нож:

Прыгай в окно! А то убью.

И она прыгнула.

Осталась жива (благо, этаж был только второй), но, как оказалось позже, повредила позвоночник. Месяца три потом пролежала в больнице.

Мы отправились в комнату, где жила эта семья. Николай был уже в постели. Против ожидания, он не бранился, не угрожал. Пытался успокоить ребенка. Девочка, с совершенно белым лицом и огромными, круглыми от пережитого ужаса глазами, лежала рядом с отцом.

Наденька пойдём к маме! — позвала я.

— Никуда она не пойдет. Ей спать надо, — это — Николай.

Девочка молчала. Она только косилась на отца, но боялась не то что протянуть руки в ответ на мой жест, но даже кивнуть. Ей было пять лет, но я и у взрослых никогда не видела такого окаменевшего от горя и страха лица. Ребенка удалось забрать, когда мы сказали Николаю, что Ольга не может ходить, что мы вызвали «скорую помощь» к ней и милицию — к нему. Наверное, ему стало не по себе — сообразил, что происходит.

Свидетелей было много. Происшествие взбудоражило общезнание. Когда Ольга вышла из больницы, был назначен суд — милиция дала этому делу ход. И вот самое любопытное.

На суде пострадавшая сказала что... никто ей не угрожал, она сама из окна вывалилась, что свидетели лгут. И просила не наказывать мужа. Потом объясняла соседкам:

— Его посадят, так мне что? Одной быть, без мужика? А Надьку кормить кто будет? Ничего, на суде постращали, так с ножом больше не полезет. А так побьет — ничего, морда не отвалится. Зато — мужик в доме.

11.

В архиве Верховного Суда Латвийской ССР находится это дело, оформленное на постоянное хранение. Ординарное дело. Такие встречаются, конечно, не через одно, но в каждом десятке похожее найдется. Муж убил жену и ребенка. Жену спяну и от ненависти, которая почему-то всегда рождается у садиста именно от беспомощности и замордованности жертвы. Почему этот человек убил годовалую дочку, я не знаю. В показаниях убийцы об этом ничего не говорится. Беспристрастный фотоаппарат запечатлел только грудь и живот убитой матери (23 ножевых ранения и следы побоев на теле) и труп младенца с расколотым черепом. Фамилия всех этих людей самая распространенная: Петровы — Анна, Людочка и Степан.

Вся эта трагедия длилась пять лет — ровно столько, сколько продолжалась семейная жизнь этой пары. Анна металась по комнате, увертываясь (не всегда удачно) от увесистых кулаков мужа — огромного роста мужчины, очень сильного. Работал Степан грузчиком. Впрочем, на работе он был всегда на хорошем счету: то есть не напивался, всегда выполнял производственные задания и не опаздывал к началу рабочего дня. Поэтому и на жалобы жены в завкомке смотрели сквозь пальцы. Пролежав в больнице с сотрясением мозга после мужниных побоев (как она тогда-то выжила, еще не оправившаяся от родов? Людочке и трех месяцев не было), Анна обратилась в фабком с просьбой выделить комнату ей с ребенком в общежитии. Резолюция: «По возможности — выделить». «По возможности» значит у нас — когда-нибудь, может быть, если захотим. Как повернулась рука у наших **профсоюзных** (подчеркнуто мною — А. Л.) деятелей подписать так заявление, где прямо и недвусмысленно все предсказывало ту трагедию, что произошла полгода спустя?

Профсоюзные боссы Запада, которых в нашей печати ругают за соглашательство с хозяевами и которые все же иногда встречаются с представителями пролетариата самой свободной в мире Советской страны, — у вас такое бывает?

111.

Я не собираюсь рассказывать вам страшные истории. Случаи, которые на этот раз послужили поводом взяться за перо, имели место в реальной жизни. Правда, такое случается не часто. Не каждый день слушаются в Верховном Суде дела о растлении отцом малолетней дочери, да еще при сознательном попустительстве матери. Но что мне кажется в этой истории характерным, так это — совершенное скотоподобие женщины, замученной тяжелым, непосильным трудом. Что бы ни говорила и ни писала наша официальная пропаганда о свободной и равной с мужчинами во всем женщине страны Советов, на самом деле, как мне представляется, все существование большинства наших женщин — это упорная, не на жизнь, а на смерть, борьба за своих самцов. Впрочем, не быть одной — это дело не только и даже не столько темперамента. Пожалуй, не менее важно и другое — престиж. Быть одной — стыдно. Не знаю, как на Западе, но, насколько могу судить по литературе, там проблема замужества и удержания мужа подле себя не разрастается до таких уродливых размеров, не приобретает такие чудовищные формы.

* * *

Итак, слушается дело о растлении отцом малолетней дочери. Верховный Суд Латвийской ССР. Год 1978. Обвиняемый — невысокого роста, щупленький. Лицо — не злое, несмотря на тюремную стрижку. Даже трудно поверить, что это он в течение трех лет... И девочка — маленькая, с худым и прозрачным от бедности лицом. Две косицы светло-никакого цвета торчат в разные стороны. Таких девочек художники прошлого века любили изображать няньками или прислугами у каких-нибудь купцов. Она рассказывает, как папа уносил ее к себе в постель, что она плакала и не хотела, потому что он делал ей больно. Сперва это было, когда мама уходила на работу в ночную смену. А потом... Потом начиналось все это, мама просто отправлялась в магазин или в другую комнату. Девочке всего 13 лет (кстати, выглядит она не старше 10-ти), а по свидетельству судебно-медицинской экспертизы, половые органы у нее развиты, как у взрослой женщины. И — сильнейшее воспаление яичников.

Вы знали, что над вашей дочерью чинится насилие? — спрашивает судья.

Знала, ну и что? Дите, конечно, жалко, — отвечает мать. — Но надо же как-то семью сохранять! А он, такой негодяй, любовницу на стороне завел! Уйти хотел.

Она чувствует, что сбилась. И, замолкнув на какое-то время, вдруг выпалила:
— А что я могла сделать? Не оставлять же ребенка без отца!...

И еще одна уголовная история. На этот раз — почти двадцатилетней давности. Могу сразу сказать, что преступник приговорен к расстрелу, что приговор приведен в исполнение. Но happy end не получается, потому что жертвы остались жить с такими душевными травмами, которые никакое время не залечивает.

Жители маленького местечка Кауната под Резекне до сих пор показывают: «Вот здесь они жили, в этом доме!» Они — это муж, жена и три девочки. Две — от первого брака женщины, а третья — общая их, мужа и жены, дочка. Мать часто болела, и девочки часто оставались с главой семьи.

Правда, старшая, шестнадцатилетняя Зинаида, с отчимом не ладила и предпочитала жить у родственников матери. Однажды она прибежала к ним в пять часов утра, растрепанная, в разорванной ночной сорочке, и рассказала, что едва вырвалась из рук отчима, который пытался ее изнасиловать. Ни тетка, ни ее муж сначала не поверили. Но весь вид девушки, синяки от побоев говорили сами за себя. Родственники подали в суд. А когда стали разматывать весь этот клубок, неожиданно выяснилось следующее.

За два года до того отчим позвал к себе младшую, тогда — девятилетнюю падчерицу. Играл с нею, был непривычно ласков. А потом... Было очень больно. Ребенок кричал и звал маму. Отчим пригрозил:

— Расскажешь — убью!

И Ниночка молчала. На этом история не окончилась. Когда мать уходила на работу в ночь или в очередной раз ложилась в больницу, отчим забирал девочку к себе в спальню. Она плакала, просила отпустить ее... Искала защиты у младшей сестренки, старалась лечь спать с нею вместе. В таком кошмаре прошли эти два года. Ничто не спасало: везде настигали Нину неумолимые жесткие руки отчима и тот ужас, которому она поначалу и названия-то не знала — только боль, страх и совсем не детская черная безысходность.

Кстати, и маленькая Леночка пощажена не была. По свидетельству судебно-медицинской экспертизы, «в результате развратных действий отца у нее растянута девственная плева». Девочке не было тогда семи лет.

Мать из-за этой истории повредилась в рассудке и до конца дней своих так и не вылечилась окончательно.

Впрочем, бывает и по-другому. Как мне рассказывали, женщина, муж которой был арестован за изнасилование их **шестимесячной** дочери, в результате чего последовала смерть ребенка, буквально через несколько дней начала хлопотать об освобождении мужа. И объясняла это так:

— Я потеряла ребенка. Так вы хотите меня и мужа лишить?...

Слабый пол? Да, мужчины

В нашем советском обществе, в наше время, в самом безнадежном положении находится, безусловно, мужчина.

Да, мужчина, которому негде проявить себя, если только он не законченный карьерист или стяжатель.

Разве что... только у пивного ларька. О! Там он может вообразить себя и отважным путешественником-исследователем, и рыцарем средневековья-борцом за справедливость, и героем в единоборстве с начальством. Или просто: «Вот я ему дал, так дал — он аж покатился», или «...взяли по пол-литра на брата, все лежат, а мне — хоть бы хны».

Но вот приход домой и расплата — удар по голове от жены за пропитую попку. А потом снова вкалывай две недели до следующей попки и следующей забегаловки.

На две недели ты становишься просто винтиком государственной машины, которая тащит тебя неизвестно куда и неизвестно зачем.

Женщина может частично проявить себя хотя бы в материнстве. Этого у нее не смогли отнять никакие революции, никакие передовые теории и никакие тоталитарные режимы. В огромной любви к детям, в общении с ними, она черпает большую силу, чтоб устоять, чтоб не сломиться, она обогащается духовно, нравственно и эмоционально.

А что остается мужчине?

Ведь по сути своей природы ему обязательно нужен выход в общественную деятельность, политическую борьбу, научное или литературное творчество.

Если он карьерист — тогда все просто. Ну, а если он не может подладиться под все догмы системы, все ее несправедливости, запреты и ограничения.

Тогда что ему остается?

Свободное литературное творчество?

Нет!

Свободное научное исследование?

Нет!!

Свободная политическая деятельность?

Ха-ха-ха!!!

Правда, у некоторых есть возможность уйти в подпольную литературу или общественную борьбу и, рискуя, а часто и жертвуя личной свободой, сохранить душевное равновесие. Ну, а если ты просто рабочий, инженер или чиновник без особых увлечений, как тогда утвердить себя?

Только у пивного ларя, восклицая с кружкой у рта: «... вот я ему дал, так дал!...»

А тут еще чисто семейная червоточина — ты мужчина в семье, а значит — должен быть сильным и «во главе».

А как ты будешь «во главе», если получаешь зачастую меньше жены, рублей 100-140. А на эти деньги даже малюсенькой семье, семье из 3-х человек, никак не прожить. И приходится жене бежать работать, едва родив ребенка. Ну, а если нет бабушки, на которую можно его «бросить», и нет желания отдавать грудного малыша в ясли, где на 20-25 детей одна медсестра и одна няня — тогда терпи и затягивай ремень потуже.

Обеспечивать семью квартирой ты тоже не можешь. Либо стой в очереди 10-15 лет в Горисполкоме, т. е. эту квартиру получают (если получают!), уже твои внуки, либо вступай в кооператив (что, кстати, тоже очень нелегко). А только первый взнос в кооперативе 2500-3000 рублей — и тут уж только если родители смогут раскошелиться. И опять-таки взрослый мужчина играет роль ребенка у своих родителей, но не главы своей собственной семьи.

Правда, некоторые утверждают себя по принципу: «Я умею делать деньги, а как — это никого на касается», — и занимаются фарцовкой, спекуляцией, халтурой.

Но как заглушить извечный зов природы у мальчишек — зов к странствиям? Ведь многие из них видят себя в будущем Туром Хейердалом, или отважным странствующим рыцарем, или просто крупным ученым.

А что оказывается? Отправиться на плоту через океан? ОВИР не пустит.

Исследовать что-то в науке? Но это только по приказу, спущенному «сверху». Бороться с несправедливостью? Но за тебя это уже делает «Литературная газета».

А если ты пойдешь дальше ее, то и поедешь подальше Тура Хейердала, только в другую сторону.

Вот и оказывается, что в нашем атеистическом обществе, женщина, благодаря природе своей, может гораздо полнее выразить свое «я», чем представитель «слабого» пола — мужчина.

Аня ЛУЧНИНА, 10 лет

Как я учусь в школе

1-го сентября 1976 года я в первый раз пошла в школу. Во дворе стояли ряды ребят, нас поставили по стойке «смирно» и директор начал говорить то, что не было вообще слышно, потому что ребята очень сильно орали. А потом они включили радио, и там послышалась «пригробная песня» — гимн Советского Союза. Я от него чуть было не зажала уши. Другие ребята баловались и не хотели его слушать. Вдруг из-за дверей школы вышли какие-то ребята и несли красный флаг. Они обошли вокруг двора и ушли обратно. На этом затих гимн Советского Союза, и нас всех погнали в школу. Мне в школе сначала все показалось очень интересно, потому что я никогда в жизни не была в школе. Мне понравилось то, что там сразу две лестницы, я так ни в одном доме не видела никогда. Вообще я волновалась, что я сейчас иду в первый класс, первый раз первый год буду учиться в школе. Меня это очень волновало. Цветы, которые были у нас в руках, нам сказали положить на первую парту. Потом нас рассадили. Пришла учительница, Ирина Александровна, молодая элегантная женщина. Первое мое впечатление было радостное, потому что мне все говорили, что это очень хорошая учительница. Но сразу было видно, что у нее взгляд какой-то притворный.

В самом начале она нам сказала, что мы теперь становимся взрослыми советскими гражданами после того, что мы пошли в школу — мне это запомнилось. Она поздравила нас с первым уроком, с первым звонком. Она нам показала картинку, которая была в начале учебника, рассказала, что на ней нарисован мавзолей, Красная площадь, кремлевская стена, сказала, что в этом здании-мавзолее похоронен наш великий вождь. Какая-то она мне показалась странная, то, что она говорит, что к этому мавзолею по целым дням стоят огромные очереди, что даже милиционерам приходится охранять — этим сразу испортила впечатление от мавзолея. Потом она сделала объявление, что завтра мы должны приходить без десяти девять, потому что у нас будет полтинформация.

На втором уроке она нам показала букварь, а на третьем — математику, обложку на математике, какая она смешная и красивая.

На второй мы все пришли без десяти девять. К нам пришла какая-то тетка и начала чепуху молоть. Про то, как у нас жить хорошо. То, что у нас коммунизм, а

в других странах голодают дети. Потом на уроке русского языка нам раздали прописи, объяснили, как ими надо пользоваться. Потом был урок математики, ее сменило чтение. Так было и на следующий день: русский сменила математика, а когда ей приходил конец, то начиналось чтение. Так было всегда.

Сначала у меня не было друзей и врагов тоже, потому что и времени у меня не было, я занималась хореографией. Но произошла такая история, из-за которой у меня появился враг. А произошло это так:

У нас в классе был мальчик, который на уроках не писал, домашние задания не делал, стихи не учил, но учительница его почему-то очень любила и уважала. Я очень хотела понять, почему это так. И потом я это узнала: оказалось, что мама этого мальчика, Прошкина, работает здесь, в школе, гармонисткой. Потом Прошкин стал драться, всех избивать: кому ухо в кровь разобьет, кому ногу стукнет, кому еще что. У меня он украл все тетрадки. Когда моя мама спросила его, куда он их дел, то он ее покрыл таким матом, которого я не слышала ни от одного пьяницы. Когда мы сказали учительнице об этом, то она ответила, что Прошкин человек трудный, больной, ему делают уколы в голову и с ним разговаривать бесполезно.

С тех пор Прошкин стал меня бить и все время грозил убить, а я боялась его бить, ведь нам сказали, что он — сумасшедший, а, значит, на самом деле может любого убить.

Из-за того, что Прошкин всех бил, а его не наказывали, он начинал все больше безобразничать. После этого вокруг него стали объединяться мальчишкис-драчуны. В этой компании был мальчик по фамилии Гусаков. Он столкнул девочку Юлю с лестницы в школе так, что у нее разбилась нога и она не могла две недели ходить в школу. Когда Юля заплакала от боли, то учительница набросилась на Юлю и стала ее ругать, за чем она плачет — а Гусакова совсем не поругала. Самому маленькому мальчику в классе, Алеше, три раза разбивали очки, и каждый раз за это учительница ругала очень сильно Алешу. Потом Алешина мама стала приносить ей в школу подарки, и она тогда перестала ругать Алешу, когда его били. Мамы детей приносили ей в класс хрустальные блюда, чашки и всевозможные торты. Это было и по праздникам и вообще всегда, часто. Но мне не хотелось ей приносить никакие дары, потому что я видела, что она поступает несправедливо. Она просто-напросто смеялась, потешалась над теми, кто пострадал. Гусаков проткнул мне щеку ручкой, учительница говорила: «Это ваше дело, сами разбирайтесь». А однажды на физкультуре Прошкин ударил меня кулаком в живот так, что меня потом увезли в больницу. Думали, аппендицит, но аппендикита не нашли.

И вот как все это кончилось. Однажды я шла после перемены по коридору — руг кто-то из друзей Прошкина накинулся на меня, вскочил мне на спину, в это время, как будто по договору, Гусаков подставил мне подножку, я упала и разбила себе все лицо. У меня очень сильно потекла кровь, я зажимала губу, чтобы кровь остановилась. Ирина Александровна кричала на меня:

— Так тебе и надо! — и ругала меня всякими словами. Потом повела меня к врачу. После этой истории я в эту школу больше не пошла.

Потом меня перевели в другую школу. Здесь была очень хорошая учительница Анна Ивановна. Ребята встретили меня дружелюбно. Учительница не позволила никому драться. На переменах она заставляла нас ходить парами.

Анна Ивановна во много раз интереснее учила, чем Ирина Александровна. У Ирины Александровны уроки были так: она приходила к нам, задавала задание и сама уходила болтать к учительнице из другого класса. Так было почти всегда, кроме тех уроков, на которые приходили методисты или директор и завуч. А Анна Ивановна всегда все задачи нам объясняла, если мы не понимали, и даже примеры. Она нам проводила на уроках чтения всякие викторины, а на уроках русского языка вместо словарных слов читала нам загадки, ответы которых были словарными словами. На уроках внеклассного чтения она нам задавала прочитать какое-нибудь стихотворение, а к нему нарисовать диафильм — по собственному желанию, кто захочет. Я их всегда делала, а иногда даже к рассказам и сказкам. Анна Ивановна была добрая. Строгая она не была, но у нее всегда был порядок, все дети были хорошие. А если были два-три мальчика непоситанные, она им не разрешала драться, выставляла их за дверь или к директору. А потом, в конце учебного года, она стала организовывать спектакли: дети приносили кукол или сами их делали, делали всякие аппликации специально для этих спектаклей, все, что нужно. Спектакли всегда у нас получались очень интересными. Весной мы с ней ездили за город, она нам проводила экскурсии с экскурсоводами.

Когда мы пошли в четвертый класс, я очень обрадовалась, что ее увижу. Но Анны Ивановны не было: она еще летом заболела.

На первом же уроке к нам пришла директорша и стала говорить всякие глупости вроде того, что как мы хорошо живем, какие у нас прекрасные квартиры, бесплатное учение, а где-то за границей за учение надо платить: за парту, за стол, за каждый урок, за все-за все! Когда она сказала, что у нас очень хорошие квартиры, мне стало смешно, потому что у нас у самих такая хорошая квартира, что у нас пол под ногами проваливается. И она говорила, что мы должны быть благодарны за это нашей великой партии. Она говорила, что у нас бесплатное лечение, и приводила какие-то цифры, то, что в Америке очень много за него платят.

У нас теперь другая учительница, Татьяна Алексеевна. Тут же у нас дисциплина испортилась, все стали драться, бить друг друга. Драчуны, те, которых раньше представляли раньше к директору, теперь стали бить девочек и мальчиков. Сильные стали бить слабых, слабые — бояться сильных. Теперь школа в моих глазах вешелюку исказилась, повернулась ко мне грязным боком: другая учительница, по-другому учит, главное, нету такой теплоты, как была раньше, у Анны Ивановны. И вообще мне стало казаться все хуже: раньше всю советскую обстановку этой школы заслоняла Анна Ивановна своей душевной теплотой, но теперь, после того, как Анны Ивановны у нас нету, все это советское как будто вынули из проявителя. Теперь я увидела все, на чем основана наша школа: учительница во всех диктантах и изложениях подкидывает нам что-нибудь советское, про то, как у нас хорошо; говорить про то, что кому-то плохо живется

или с мамой или с папой плохо поступили, можно только наедине, только с человеком, который уже точно не рассмеется, а таких людей у нас очень мало.

Если спросить кого-нибудь, любишь ли ты Ленина, то это примут как за оскорбление: как же можно не любить Ленина, когда он боролся за наше счастье? Эти слова как будто бы надиктованы из учебника и учебников всех классов: во всех классах, хотя я прошла только четыре, во всех учебниках были такие строчки. А Брежнева вообще считают великим человеком и посланником Ленина. Однажды у меня с девочками Леной и Олей зашел такой разговор: начался он с того, что девочки стали говорить неприличные анекдоты, и там всегда русские выходили сухими из воды, а американцы были политы грязью. Меня это возмутило: почему у вас такое представление о иностранных странах, небось, наш Брежнев тоже на позолоченной кровати спит. Лена мне шепнула на ухо:

— Тише, тише, ведь посадят! — а Оля тут не вступилась за великого вождя:

— Да он же простой человек, такой же человек, как и все.

Теперь Лена решила, что лучше вступить за меня: она начала посмеиваться над Ольгой, чтоб отвлечь ее:

— Ха-ха, что мы спим на перинках, так и он спит на перинках? Мы на досках, и он на досках?

— Да, — подтвердила я, — что вот у нашей соседки по парте не было даже пяти копеек на альбом для рисования, и у него тоже так бывает?

Ольга разъярилась и как разорется:

— Да Брежнев, да Брежнев, если хочешь знать, он просто путешественник. В это время к нам подошла большая девочка, наверное, из шестого класса, с очень противным самодовольным лицом.

— Да Брежнев, да знаешь, что он очень хороший! — сказала она, вся багровая.

— А чем ты докажешь? — спросила я.

— А тем, что он хочет всем людям на земле счастья! — и, презрительно оглянувшись, ушла.

Все говорят, что ребенку школа должна составлять какой-то интерес, удовольствие и радость. Но мне, честно говоря, с тех пор, как у нас нет Анны Ивановны, ни того, ни другого, ни третьего школа не дает.

Татьяна Великанова

Имя этой женщины пока еще не слишком широко известно. Ее знают тысячи, но миллионы. О ней лучше, точнее выскажутся давние друзья, близкие знакомые, достойнее напишут настоящие писатели. Они уже, наверное, взяли в руки перо. Но не черед молчать и нам. В этой скромной заметке мы поделимся своим тем, что нам доступно, поскольку считаем, что все: и доброе, и дурное, — должно быть сообщено людям. А к этому человеку — Т. М. Великановой — как много к кому относится мысль, высеченная на памятнике Мольеру в Париже: «ДЛЯ ЕГО СЛАВЫ НЕ НУЖНО НИЧЕГО, ОН НУЖЕН ДЛЯ НАШЕЙ СЛАВЫ».

Татьяна Михайловна Великанова — общественная деятельница в истинном, неоскаженном смысле этого слова. Сам характер этого трудоемкого занятия приносит не всегда благодетельное положение «под юпитерами», вызывает порой необходимость говорить громко, красноречиво, афористично — что справедливо вызывает аналогию с театром (временами — с хорошим, бывает — с безвкусным). Т. М. реализовала в жизни редкий и особенно трудоемкий вариант — скромность, изничтожение автоличностного начала вошло в сам характер и «плоть» ее общественного труда. Т. М. не выступила ни с громкими трактатами на основополагающие темы, не встала во главе какого-нибудь идейного движения, не выдвинула какого-либо емкого и броского лозунга, не возглавила никакой ассоциации, не являлась ведущим трибуном на семинарах, митингах или пресс-конференциях.

Тем не менее эта художавая, с сединой женщина стала одним из самых авторитетных общественных деятелей Москвы и вообще всей страны, стала близкой и дорогой не только своим сестрам и братьям, детям и внукам, товарищам по борьбе с несправедливостью и тем многочисленным гражданам, которые с уважением (но со стороны) взирают на ее самоотверженную и изуряющую работу в защиту других. Она на редкость уважаема и необходима пятидесятникам Сибири и крымским татарам; литовским и украинским бороникам национальной культуры; политзаключенным в тюрьмах и лагерях; журналистам Москвы и других городов, работающим над воссозданием и развитием вольной печати; инвалидам труда, объединившимся для защиты своих социальных прав, и сторонникам полной отмены смертной казни. Секрет этого несложен: Т. М. непрерывно работала наизнос ради людей — близких и дальних, в чем-то симпатичных или чуждых, верующих и атеистов, женщин и

мужчин, старых и молодых. И при этом никогда ее поступки не шли и не могли пойти кому-либо во вред, не были направлены на ущемление хотя бы одного человека. В этом коренное ее отличие от иных деятелей и лидеров нашей страны, в этом истоки равнодушного (в лучшем случае) отношения к ним и — искренней преданности ей. Справедливо-символичным является то, что последним занятием ее на государственной службе стала работа санитарки — всем известен характер этой работы, да еще в наше время, — а последним перед арестом трудом (помимо общественной работы) — заботы о своих крошечных внуках.

* * *

Несколько фактов из ее жизни.

Родилась в 1932 году в Москве, в семье известного гидролога, члена-корреспондента Академии наук СССР М. А. Великанова. Окончила Московский университет, по профессии — математик. Занималась литейным программированием. Работала учительницей в провинции и более 20 лет — в московских вычислительных центрах.

Во второй половине 1960-х годов, в пору распространенных надежд, что администрация склонна или способна все же прислушиваться к мнению и к насущным потребностям интеллигенции и, в целом, общественности, Т. М. приняла участие (правда, минимальное — в качестве рядового участника) в некоторых из обстоятельных и аргументированных прошений к властям — в 1967 году подписала законопроект «О распространении, отыскании и получении информации» (около 150 подписей — в том числе академики, писатели, ученые, деятели искусств), в начале 1968 года — письмо 79-ти с просьбой пересмотреть дело Ю. Т. Галанского, А. И. Гинзбурга и др. в открытом суде с полным соблюдением законов и в конце года — письмо 95-ти к депутатам Верховного Совета с развернутым протестом против приговора участникам августовской демонстрации на Красной площади в Москве (в связи с вооруженным вторжением в Чехословакию).

В этой демонстрации принимал участие и ее муж, Константин Бабицкий. Став женой политзаключенного, Т. М. волею судьбы постепенно оказалась в центре общественного сочувствия, а затем — и общественной самозащиты. В мае 1969 года Т. М. стала одним из 15-ти членов-учредителей Инициативной группы по защите прав человека в СССР: она работала в составе этой первой независимой общественной ассоциации до конца, оказавшись последним ее членом — **все** остальные были арестованы или вынуждены эмигрировать. Подпись Т. М. стоит под всеми документами Инициативной группы — в том числе в защиту арестованных Генриха Алтуняна, Владимира Буковского, Петра Григоренко, Анатолия Левитина-Краснова, Виктора Некипелова, Леонида Плюща и многих других.

Наверное, следует особо подчеркнуть на первый взгляд не особенно заметные, может быть, узлы ее общественного пути. В 1970 году, к первой годовщине образования Инициативной группы, эта ассоциация разработала содержательный документ, объясняющий ее принципы и цели. Ведущую роль в разработке этого Открытого письма приняла Т. М., считая особенно важным, чтобы вся общественность хорошо представляла позицию этой первой независимой правозащитной ассоциации в СССР.

В начале 1974 года Т. М. вместе с Сергеем Ковалевым и Татьяной Ходорович выступили с заявлением, ясно и четко отвергающим систему заложничества, успешно навязываемую репрессивными властями: мол, не защищайте того-то, а шлidet в свет новый номер вашего информационного бюллетеня — тогда преступем точно имярека, хоть он и ни при чем! Эти трое людей приняли на себя смелость — отказать такому шантажу, заимствованному из гангстерского арсенала, — и выиграли моральное сражение: отстрел заложников прекратился, каратели сняли с широкого вооружения этот прием.

Весной 1974 года, в эпоху, когда одним из ходовых пунктов преследований были обвинения в распространении самиздатского журнала Хроника текущих событий, те же трое людей, в их числе Т. М., четко и открыто взяли на себя ответственность за распространение этого основного органа правозащитного движения. Журнал тем самым обрел новое дыхание и возобновил регулярный выход, а подобное обвинение отпало от многих его читателей (так до сих пор — во всяком случае среди основных обвинений — оно и не фигурирует).

Наконец, в 1975 году, незадолго до судилища в Литве над москвичом Сергеем Ковалевым, Т. М. вместе с Александром Лавутом и Юрием Орловым разработали фундаментальный документ «О праве на защиту». Эта статья с анализом одного из ключевых инструментов современного правосудия — адвокатуры — инструмента, в нашей стране практически сводимого на нет в случае политических процессов. Исследование содержит и зрелую постановку проблемы, и основательные выводы о необходимости выхода из наличной ситуации, заключающейся в практическом бесправии и адвокатов, и обвиняемых.

Т. М. была вызвана свидетельницей на процесс демонстрантов 1968 года: познакомившись с политическим судопроизводством на практике, она в целях содействия и международным, и советским законам отказалась в дальнейшем участвовать в любой форме в следствии по политическим делам. Она отвергла попытки допросить ее по делам Якира-Красина (1973), Суперфина (1973) и др. Несомненно, что в настоящее время, находясь в **полной** изоляции от внешнего мира, Т. М. вообще отказывается разговаривать со следствием.

Т. М. не пустили ни на один открытый суд, а в 1978 году в Вильнюсе охранники буквально напали на нее, чтобы отбросить от дверей во время **чтения приговора** (по зпконам СССР любой приговор, даже по секретному делу, должен читаться при открытых дверях). Даже одно присутствие Т. М. при чтении приговора пугает репрессивные власти, так они «ценят» знание законов этой женщиной. Тем не менее, именно ее пытались официально предупредить по указу о «недопустимости» ее правозащитной работы (1974).

Т. М. подверглась четырем обыскам (1968, 1973, 1978, 1979). С пятого обыска ее увезли на Лубянку, и она не вернулась домой.

Это была жизнь на свободе. Теперь — на 48-м году — пошла неволя.

Т. М. не заработала себе громкого имени, но пронесла его удивительно чистым, и оно надежно. Застенок только осветил его большей ясностью, ибо теперь Т. М., с ее скромностью, не может помешать людям открыто воздавать ей должное.

Т. М. стала одним из не столь уж многих действительно авторитетных людей нашей страны, отдавая всю себя работе на благо униженных и оскорбленных. И чем больше она растворяла себя, свою личность в этом беспримерном труде, тем сильнее это отзывается сейчас во многих сердцах: благодарность, гордость, преданность этому человеку, одной из ряда воистину блистательных женщин, выдвинутых вперед полинным общественным движением в СССР 1960-1970 г.г. — таких, как Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Зинаида Григоренко, Софья Калистратова, Раиса Лерт, Татьяна Ходорович и др. Одной из тех, кто кристаллизует в себе честь и порядочность наших дней. И не случайно, что это движение совести — единственное на сегодня общественное движение, вобравшее в себя такое заметное количество столь замечательных женщин.

Семья Владимира Пореша

1-го августа 1979 года в Ленинграде был арестован Владимир Пореш, руководитель христианского семинара и редактор журнала «Община». Ему было предъявлено обвинение по 70 статье УК РСФСР. Следствие вел старший следователь особого отдела КГБ Лелетунов. По делу Пореша в течение многих месяцев были проведены массовые обыски, кратковременные аресты, допрошены десятки свидетелей.

Члены клуба «Мария» с тревогой следили все эти месяцы за ходом следствия, старались поддерживать жену Владимира — Татьяну Пореш. В начале апреля 1980 года, когда следствие было закончено, представительницы клуба взяли интервью у Татьяны, ожидающей суда над мужем.

— Таня, как Вы расцениваете случившееся с Вашим мужем?

Т. Пореш: Мы живем в России — она всегда губит самое чистое, самое лучшее. Володя понял гражданский долг по отношению к своей родине: у нас же граждан нет, а он был гражданином в полном смысле слова.

— Расскажите, как Вы с ним познакомились.

Г Пореш: Познакомились в Библиотеке АН СССР, работали вместе в одном отделе. Меня он поразил: я никогда не видела такого человека, я таких не встречала никогда.

— Что больше всего поразило Вас в нем?

Г Пореш: Необыкновенная честность, порядочность, доходящая до предела; сочетание мужественности и утонченной интеллигентности делало его очень обаятельным: обычно мужественные люди грубы, а интеллигентные — недостаточно мужественны. Искренность, доброта — этические качества, которые в мужчине обычно отсутствуют. Сострадающий любому и каждому, с сострадающей душой.

Когда следователь меня спросил, что я знаю о преступной деятельности моего мужа, я ответила: я не могу понять, что это такое — преступная деятельность. Володя ни на какую преступную деятельность не способен. Я не могу себе представить, чтоб он совершил поступок, который не соответствовал бы его убеждениям. Его кредо — вера без дел мертва. Я других не встречала таких, у кого бы слово и дело не расходились.

Последнее время его очень волновала проблема вечной женственности. Он считал, что для России это самая важная проблема. Он хотел написать статью о роли женщины, рождающей творческое начало в мужчине, он считал, что и в браке, и во всем ее роль именно такая — быть источником для творчества. По этому поводу он мне много дифирамбов пропел, я говорила: мне странно от тебя это слышать, ведь я тебя в основном ругаю.

Последнее время семинар решал проблему, как соединить жизнь общины и жизнь семьи: говорили о том, что нужно создать новую форму семьи — христианскую семью, где мужчина и женщина были бы равны в творчестве, развивали бы творческое начало друг друга. Половина третьего номера «Общины» была посвящена Ксении блаженной. Володя очень любил пример Петра и Февронии — это единственный состоявшийся христианский брак в русской литературе.

— Таня, у Вас с Володей две дочери?

Г Пореш: Да, Ольга — ей два года восемь месяцев и Ксения — ей три с половиной месяца.

— Государство, как известно, обязано помогать семьям людей, содержащихся под следствием. Таня, какая Вам была оказана помощь со стороны государства в то время, когда Володя находился под следствием?

Г Пореш: Никакой. Его арестовали 1-го августа прошлого года, я в то время была беременна. Мне отказывали в свидании, в переписке, даже не разрешили передать записку из роддома, я не могла даже узнать, как он хочет, чтобы назвали родившуюся дочку.

— КГБ очень любит вести разговоры о гуманности, очень любит вспоминать о детях и шантажировать детьми. Когда арестовали Юлию Вознесенскую, ее укоряли тем, что она не думает о своих детях, на что она ответила: «Дети — не предмет спекуляции, а предмет гордости».

Т. Пореш: Такую «любовь» Володя тоже почувствовал: адвокат В. П. Хейфец сказал ему: «Предлагаю вам избрать более скромный тон на суде, я пришел к вам от Татьяны Михайловны, от ваших малюток Олечки и Ксюши».

— Видимо, для того и отказывают Вам в переписке с Володей, чтобы удобнее было шантажировать его от Вашего имени. Таня, расскажите, пожалуйста, на какие средства Вы сейчас живете, ведь декретный отпуск — это немного?

Т. Пореш: Декретный отпуск уже закончился (56 дней после родов). Теперь мне помогают только родители и друзья. На их средства я и живу.

Владимиру Порешу грозит 7 лет тюрьмы и 5 лет ссылки. У него осталась старая бабушка, Мария Николаевна, с которой Володя жил вместе в одной квартире, вел общее хозяйство, помогал ей во всем: — теперь она без всякой помощи. После допроса в КГБ Мария Николаевна заболела и до сих не может поправиться. Она не может без ужаса слышать о том сроке лишения свободы, который грозит ее единственному внуку, со слезами она говорит: «Не држivu, не увижу...» Крошечные дети остались без всякой помощи отца, неизвестно, как они будут жить без его поддержки 12 лет. Ксюша даже никогда не видела своего отца. КГБ любит твердить о своей любви к детям: посмотрим, как эта любовь отразится при вынесении приговора Владимиру Порешу.

Т. Пореш: У нас в семинаре уже не осталось мужчин, которые могли бы защитить себя сами. Арестован отец Глеб Якунин — у него осталось трое детей, отец Дмитрий Дудко — у него двое детей, у арестованного Льва Регельсона пять детей (от 12 до 4 лет), у Виктора Капитанчука — трое детей (младшей — годик). Мы, женщины России, призываем женщин всего мира помочь семьям мучеников за веру Христову.

Клуб «Мария» обращается к феминистическим обществам всего мира и ко всем женщинам, кому дороги демократия, справедливость, законность:

Подруги и сестры

В нашей стране детям политзаключенных государство не оказывает никакой помощи, напротив, семьи политзаключенных, лишённые своих защитников и кормильцев, преследуются дурно воспитанным обществом, терпят лишения и практически могут рассчитывать только на помощь друзей. При вынесении приговоров по делам диссидентов совершенно не учитывается положение их семьи: жен, малолетних детей, престарелых родителей.

Мы призываем женщин всего мира: пока еще не поздно, пока приговор Владимиру Порешу не вынесен, в нашей власти обратить внимание суда на то, что приговор этот будет приговором не одному Владимиру, но и Марии Николаевне Пореш (77 лет), оставшейся без поддержки единственного внука, Татьяне Пореш, оставшейся с двумя малютками на руках без всякой помощи, Олечке Пореш, двухлетней дочери Владимира, Ксюше, второй дочери Владимира и Тани, родившейся без отца.

Мы призываем всех женщин мира помочь им.

Адрес и телефон Татьяны Пореш:
19 42 19, Ленинград,
ул. Матроса Железняка, д. 17 кв. 70
242-45-97.

Татьяна Щипкова

ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ ЩИПКОВОЙ 12-го февраля 1980 года исполнилось 50 лет. День рождения на этот раз она встретила в тюрьме. Как же случилось, что эта хрупкая, маленькая интеллигентная женщина получила 3 года тюремного заключения?

Она получила обычное советское воспитание, кончила ленинградский университет, защитила кандидатскую диссертацию по старо-французской литературе. По ее словам, о проблемах духовных она впервые задумалась где-то в 1961-62 г.г. Дружба с Владимиром Порешем, ее учеником, которую она считала для себя большой удачей, привела к окончательному повороту в ее жизни. Обратившись к христианству, она стала активным полноправным участником христианского семинара по проблемам религиозного возрождения в России, единственной женщиной, участвующей в семинаре наравне с мужчинами.

После обыска на ее квартире в Смоленске, когда был изъят второй номер журнала «Община», Татьяна Николаевна была исключена с преподавательской деятельности и до суда не могла получить никакую работу. В своей речи перед студентами, когда ее изгоняли из института, Татьяна Николаевна сказала:

«Меня преследуют за мои христианские убеждения, я никогда от них не откажусь». Весной 1979 года в обход законов Т. Н. Щипкова была лишена степени кандидата филологических наук.

За что же Т. Н. Щипкова была арестована и лишена свободы?

В январе 1978 года в квартире, где была Татьяна Николаевна, раздался выстрел. Она пошла открывать — в квартиру ворвались незнакомые мужчины. Один из них набросился на Татьяну Николаевну с грубой бранью, затолкал ей руки за спину, пытаясь вырвать блокнот, который был у нее в руке, — Татьяна Николаевна вырвалась и дала ему пощечину.

Этот поступок и послужил поводом заключить Татьяну Николаевну в тюрьму: ведь ворвавшиеся в мирный дом бандиты, мужчины, напавшие на

женщину, оказались представителями властей (!) Хотя они и не предъявили документов и никто по их внешнему виду не мог догадаться, кто они такие (на них не было даже повязок дружинников), в нарушение всех законов естественная реакция на насилие была определена как сопротивление властям. Женщина в нашей стране не имеет даже права самозащиты!

Первый суд над Щипковой должен был состояться в начале декабря 1979 года — он был отложен по непонятным причинам. Суд назначили на конец декабря, но его отложили, т. к. у Татьяны Николаевны начался острый приступ глаукомы. Приступ сняли, и суд состоялся 8-го января 1980 года, но приступы глаукомы продолжают и в тюрьме. Необходимые лекарства передавать ей в тюрьму запрещают, кроме того, нужна немедленная операция, иначе Татьяне Николаевне грозит полная слепота.

Человек удивительно светлый, Татьяна Николаевна продолжает держаться мужественно и сейчас, в тюрьме, где она заключена вместе с уголовными преступниками.

Мы призываем всех женщин мира сделать все возможное для ее освобождения!

Судьба Татьяны Николаевны Щипковой показывает нам, что русская женщина сегодня свидетельствует не только о своих муках, но и о том духовном свете, который забрезжил в наше время в России. Она не только страдает, она не только жертва — она творец новой жизни. И надежды на преобразование мира связаны именно с ней.

Международное Общество Защиты Прав Человека

Общество

- поддерживает людей, борющихся в тоталитарных странах за осуществление принципов Всеобщей декларации прав человека.
- оказывает материальную и правовую поддержку людям, лишенным свободы за их религиозные, общественные или политические убеждения.
- посредством различных публикаций информирует общественность Федеративной Республики Германии, Австрии и Швейцарии о борьбе за гражданские права в тоталитарных странах. Периодически публикует материалы САМИЗДАТА.

Председатель Общества прав человека Д-р. Райнхард Гнауик,
зам. пред. И. Агзузов.

Немецкое Общество прав человека издает журнал

MENSCHENRECHTE

который имеет 6 выпусков в год по-немецки и публикует Документы о нарушении прав человека, судьбы преследуемых за свои убеждения и веру людей, а также обширную информацию о многих событиях, связанных с проблемами прав человека. Журнал публикует интервью с политическими деятелями и правозащитниками. В журнале всегда содержится информация о преследовании инакомыслящих в странах с тоталитарными режимами, публикуются резолюции и призывы, обращения и письма в защиту политзаключенных. Журнал всегда помещает множество фотографий. Стоимость одного выпуска 6 нем. марок. Годовая — 18 нем. марок. Подписчикам журнала высылаются приложения в виде специальных выпусков, листовок, обзоров немецкой прессы о правах человека.

Наш адрес:

Int. Gesellschaft für Menschenrechte e.V., Kaiserstr. 40. Postfach 2965
6000 Frankfurt/M. - 1! Tel. (0611) 23 69 71! Bundesrepublik Deutschland

Из «Книги разлук»

Что-то мне сегодня одиноко.
Одиночка знать себя дает?
Чудится: судьба неподалеку,
И никто на помощь не придет.

А придет под утро Ангел смерти,
Сонный, непричесанный, босой,
Но с освобождением в конверте
И с простой крестьянскою косою.

Скажет он: «Окулова, с вещами!»
Стану собираться, чуть жива.
Суну под подушку завещание —
Вроде тех, что делал Франсуа.

«А, пришел! — скажу. — И слава Богу.
То-то успокоилась душа.
Ну, веди, показывай дорогу.»

И пойдем на волю не спеша.

* * *

Босиком по горячей золе
Я бродила, как ласковый странник,
В этой проклятой и окаянной,
Но до крови любимой земле.

Я в канавах искала цветы
И больных стариков врачевала,
Я чужих ребятишек качала
И чужие любила стихи.

«Ты чужая для нас, уходи! —
Говорили мне добрые люди, —
Голова твоя будет на блюде
Или крест тебя ждет впереди!»

Я теперь уже вижу сама:
Больше мне ничего не покажут.
Наступила большая зима,
И деревья платочками машут.

* * *

Замолчи! Землянка зимой не про нас!
Звон прошел по закату пустого пространства:
Опершись на Голгофу и на Парнас,
Разрываю всем телом аркан государства.

Где моя остановка, куда занесут
Перелетные кони рассеянной стаи?
Если где-то спасают, то здесь не спасут:
Если здесь убивают — меня убивают.

* * *

С утра в историческом здании суда,
суда городского, в казеннейшем месте
я жду, что хоть здесь мы окажемся вместе,
что вас под конвоем доставят сюда.

Ну что бы хоть раз оступиться судьбе!
Разлука неправая невыносима.
Вот голос знакомый... Не верю себе...
«Здорово, приятель! А где мой любимый?»

Услышали. Щупальцы красной звезды
уверенно вздрогнули и подползают.
Но рот мой горячий вовек не узнает
прокислого вкуса железной узды!

Нам дверь не откроет конвойный-холуй,
но я посрываю решетки и ставни,
разбойничьим посвистом песенки давней
упрямые губы сложив в поцелуй.

* * *

Ночная бабочка придет из темноты,
китайским веером помашет надо мною,
и я усну, и мне приснишься ты,
и назовешь меня своей женою.

Велишь мне платье длинное надеть
и в руки взять цветы и в новом доме,
где половицы, словно мед и медь,
пройтись по комнате, чтоб ты меня запомнил.

Ты сядешь рисовать мои цветы,
а я напротив с книжкой устроюсь
и задремлю, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей сестрою.

И нам с тобою в новом этом сне
плеснет в глаза цветок неотвратимый,
и наша кровь на каменной стене
смешается, как в чаше побратимов.

Я Божий гром услышу с высоты
и выпущу плечо родного брата,
и упаду, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей утратой.

Ты мне глаза закроешь и лицо
и на руках снесешь меня обратно,
и разомкнется рук твоих кольцо —
ни мужа, ни любимого, ни брата.

Тень бабочки умрет на потолке,
отравленная насмерть желтым светом,
и я усну с душою налегке
на полчаса, без снов, перед рассветом.

* * *

Ну, как вам страдается, милые братья,
на том берегу перемерзшей Невы?
До вашей беды и во сне не добраться,
а вы и не снитесь — да что это вы?

Куда ни посмотришь — кресты да могилы,
да серые, желтые скорби дома...
А вы мне не снитесь. Да что же вы, милые?
Ведь нам только ночь для свиданья дана.

А как мы когда-то друг друга любили!
А ночь и в разлуке дана для любви.
Я знаю, что вы про меня не забыли,
но вы мне не снитесь — за что ж это вы?

ТОСТ-ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ К НОВОМУ ГОДУ

Я пью за военные астры...

О. Мандельштам

Я поднимаю кружку и пью тюремный чай
за траурное кружево и светлую печаль.

Я пью за вашу дружбу, за веру и за честь,
которые, как прежде, еще в России есть.

За то, что славе старой восстать пришла пора
в художниках-гусарах и в рыцарях пера.

За ваши пораженья — предвестники побед,
за лица ваших женщин, прекрасные, как бред.

За гордые могилы, за Царское село,
за то, что вас такими родиться повезло!

* * *

Не одиночество, но просто — одиночка,
где день и ночь горит кромешный свет.
Еще не все, еще дана отсрочка,
и нет ни суетинки из сует.

Вот здесь теперь мой дом. Он желт и тесен,
не годен ни для слов, ни для любви...
Но задрожит в ладони желтый крестик —
извечное «Спаси и сохрани».

В который раз друг друга мы спасаем:
Здесь Ты один — и совесть, и совет.
Да будет же Твой свет неугасаем,
да сгинет здешний негасимый свет!

Я ночью на шнурок Тебя прилажу —
гнев перестанет голову кружить;
прильну к Тебе губами и поглажу
и научусь не выживать, а жить.

Наталия ЛАЗАРЕВА

Стихотворения

БОЛЬ

Я помню...Шел этап очередной.
В стране девиз был: «Семилетка»!
И чтоб давать Продукт Большой.
Теплом станков согреют тут ребенка.

А если спросят: «Сколько лет?»
Отвечу просто: «Комсомолка.»

Но, пройдя
сквозь серые годы,
Я убегу
от людской суеты —
Жизни мрачно-суровой...
Буду блуждать меж небом и морем...
И буду искать
жемчужину
воли...
И не найду,
конечно.

НОВОГОДНЯЯ ВИТРИНА

У магазина толпится народ
И этот народ
 никак
 не поймет,
Что
 не надо толпиться
Что надо скорее бежать.
Что скоро уйдет старый год.
Но вот!
 Без пяти
 уже бьет!
И тут всему городу видно,
Какая была витрина...
За стеклом были крабы и раки
Они
 молчаливо
 лежали во мраке
Скромно
 лежали в пыли и в тиши...
Грядущий год ожидали
Скелеты
 из склепа рыбьей
 души.

ПИСЬМО УЧИТЕЛЮ

Свой учительский долг исполнив исправно
Вы приткнете меня на завод
И ударю я в колокол времени
И возьмут меня в оборот.

Там, пройдя бухгалтерий учеты,
Окруженная чуткой заботой,
Отправляюсь не в лучший «шестой»,
А в какой-то там двадцать четвертый.

Чтоб не стала шлюхой от скуки,
Сразу к рукам приберут,
То есть — возьмут на поруки,
И сальным взглядом по телу пройдут...

Нет!

Я, конечно, не стану подонком.
Скромно и тихо встану к станку.
И в этом ужасе, хватаясь за жизнь,
Простужать буду душу свою.

Там будут и крики и вопли.
Там будут свистеть сквозняки.
А я задохаться буду
и буду плакать —
С Вашей легкой, легкой руки.

И, задыхаясь, пройду сквозь годы,
Встану на пьедестал —
Обращусь к искусству и Богу,
Низкий поклон им воздам.

Но услуги Вашей
никогда не забуду.
Я все ж задыхаюсь двенадцать лет.
И Вы простите меня за это,
И не надо писать ответ.

Наталья Лазарева после детского дома была направлена своим учителем на завод.

Ксения РОМАНОВА

Прощеное воскресенье

* * *

Прозрачные синели купола,
И церковь где-то в небе растворялась.
И счастье нескончаемым казалось.
Я твоего плеча едва касалась,
И тишина воскресная текла.

Сплетался гул морской и гул сосновый,
Когда нам были явлены основы
Иного, доземного бытия.

А тучи все сгущались по краям.

* * *

Чтоб не остаться в дураках,
Держите кошельки в руках
Ведь украдут — иначе.
Умейте вовремя уйти,
Чтобы, вернувшись с полпути,
За хвост схватить удачу.

Чтоб не остаться в дураках,
Произносите «ох» и «ах»,
Но вовремя и в меру.
Красив и точен ваш расчет!
Ну что ж! Сыграйте в «чет-нечет»
На...жизнь мою, к примеру.

Красив и точен ваш расчет!
И вот вам слава и почет
На мутном этом свете.
А я грех на душу возьму,
Вас уведу с собой во тьму,
Приснившись после смерти
Моей...

* * *

...И даже плакать не посметь
— До встречи! Бог с тобой!
И так похоже все на смерть,
Когда б не эта боль.

А над деревьями закат,
От холода сиреневат,
Сгущается во тьму.
Промерзший, посиневший снег
Скрипит, запоминая след
Прошедших по нему.

* * *

Мне показалось, что остались
Мы втроем в старинном зале,
В переполненном — втроем.
Горьковатым пахло дымом.
Я читала о любимом
И о горе о моем.

Я — почти что на коленях
У пылающих поленьев,
А она — казалась тенью
От каминного тепла,
Вдруг взглянула с удивленьем
На меня...

и поняла.

* * *

Я призраков твоих боюсь, —
И этой женщины в зеленом,
Глядящей на тебя влюбленно.
И страх солоноват на вкус.

О эта женщина! Она...
Она была твоею болью.
Я знаю, до сих пор с тобою
Твоя обида и вина

И ты прости меня, прости,
За то, что так постыдно плачу
И даже слез уже не прячу —
Я...Что со мною? Снег летит
И вдаль, и вдоль, сквозь перекрестки.
Сквозь голоса и отголоски
Иду, не ведая пути.

Почти без слез, почти без чувств.
И жив один лишь страх кромешный,
Что, растворяясь в вихре снежном,
Сама я в призрак превращусь.

* * *

Жеманная кикимора лесная.
Гитарный звон. И страшно мне до слез,
Что заблудилась. (Это не всерьез,
Я только сплю. Я это точно знаю.)

Вокруг меня какой-то странный лес.
Блестит болотце лиловатым светом.
Я слышу голос: «Вот я. Рядом. Здесь.»
Да только непонятно, мне ли это.

Кикиморы хохочут и визжат.
Твой голос удаляется куда-то.
Да где же ты? И чем я виновата.
Что забрела сюда? И нет пути назад.

Почти неузнаваемые лица —
И отзвуки знакомые имен.
(Да нет! Я сплю! Все это только сон!)
Но он уже который месяц длится.
Я заблудилась —
и не пробудиться...

Прощеное

воскресенье

Зима туманами больна.
Того гляди, сгорит до срока,
Не дотвердив своих уроков
Долготерпения и сна.

И не по-зимнему черна,
О дате близкой смерти зная,
В глазах читает: не нужна.
И даже это нам прощая,
Вдруг улыбается она.

Темница без оков

(Главы из повести)

«Итак, где кто тогда был застигнут, делался пленником и заключаем был в эту темницу без оков...

Ибо все были связаны одними неразрешимыми узами тьмы, ибо весь мир был освещаем ярким светом и занимался беспрепятственно делами, а над ними одними была распростерта тяжелая ночь, образ тьмы, имевшей некогда объять их; но сами для себя они были тягостнее тьмы.»

Премудрости Соломона, гл. 17.

Повесть «Темница без оков» была написана ленинградской писательницей Н. Малаховской в 1974 году. Мы помещаем две главы из этой повести: пятую главу первой части и первую главу второй части.

Наутро солнца не было. Пасмурное было утро и холодное. Ян отпер дверь, вошел в квартиру.

В тишине раздавался тонкий Анин голосок. Ян подошел к приоткрытой двери в кухню. Аня пела, песня была грустная и такая странная:

— Я на кончик пики
Повяжу платочек,
На твои на синие
Погляжу глаза...

На слове «синие» у нее голос искривился, последние слова она почти прошептала и замолчала. Ян толкнул дверь, вошел, — —

— Ян! — Аня обернулась ему навстречу.

Он смотрел на нее в растерянности, будто не узнавая. Глаза у него были блестящие, как от высокой температуры.

— Где ты был?

— Нигде. В Праге.
— Но всю ночь...был дождь.
— Да. Я...сейчас пойду.
— Куда?!
— Ты хочешь, чтобы я не был.
— Это неправда. Ян...
— Я...мучал тебя?
— Нет, я не знаю. Я не знаю, кто нас мучает... Пойдем в комнату. здесь холодно.

— Не гневаешься больше на меня? — он остановился на пороге. Она оглянулась. —

— Какой ты! — от слез ее глаза казались еще больше. — Это ты должен на меня гневаться.

В комнате казалось теплее от мягкой мебели. Аня с ногами забралась на диван, закуталась в пиджак Яна, — так непривычно она выглядела под серым пасмурным светом.

— Днес гапо, — начал Ян, — я пошел к Вашеку...

— Да?

— И он...не дается с ним говорить. Когда ты уедешь, ни с кем буду говорить.

— У тебя останется твоя музыка.

— А у тебя — твои образки.

— Какие образки?

Ян кивнул на альбом, торчащий из-под книг на столе.

— Ты думаешь, мама даст мне в этом году рисовать? — Аня покачала головой.

— Она еще весной говорила, что не даст мне больше чепухой заниматься.

— Какой чепухой?

— Ну рисовать. Она всегда надо мной смеется, как я рисую, вообще обещала у меня все картинки отнять. Говорит, художники никому не нужны, и вообще это несерьезно, им гроши платят. У нас, говорит, висеть на шее собираешься — или у мужа?

— У мужа? — Ян глядел на нее бледный, ничего не понимая.

— Ага. Говорит, мне твой муж спасибо не скажет за такое сокровище.

— Это не люди! — он сделал несколько шагов по комнате, как бы не зная, куда деваться. — Разве такие люди бывают? — в замешательстве он обвел глазами стены, балкон.

— На балконе меня от них спрятать хочешь? — усмехнулась Аня.

— Почему? ... ты и в комнате жить можешь.

Она подняла глаза, оглядывая стены, мебель.

— А что — хорошая комната. Вон там можно раскладушку поставить.

— Какую кладушку? опешил Ян.

— Чтоб мне спать.

— Я тебе свой диван дам, а сам пойду в гостиную.

— Так это будет моя комната? — не поверила она.

— Еслипустишь меня делать уроки...

— Так уж и быть, — разрешила она, — как хорошо-то! Целая комната. — По-новому она оглядела каждую вещь, и все ей показалось уместным, симпатичным, как и надо. Она перевела взгляд на Яна, — он все-таки был самым лучшим в этой комнате, ей даже показалось, что комната много проиграет без него: вообще без него будет скучно. Она вздохнула и сама подошла к балкону.

— И вы никто не будете говорить, что я — дура, даже если я стану рисовать?

— Что ты! Мы все рады, что ты рисуешь. Хочешь, я тебе масляные краски куплю?

— И вы... не будете надо мной смеяться?

— За что над тобой смеяться?

— Что я не такая, как другие.

— Все не такие, как другие. Разве надо мной смеются?

— Как хорошо... когда никто не смеется.

Правда? Да, Катержина очень добрая. И дядя Вацлав хороший. Я вам буду картошку чистить.

— Нет, я сам буду! А ты только рисуй... и танцуй. Я не буду смотреть, если ты не хочешь.

— Может быть, я тебе потом разрешу.

— Почему?

— Как ты танцуешь — это лучше всего. Ты не сердись, что я смотрел? Я же не знал, что не хочешь.

— Я уже не могу на тебя сердиться. А то если сейчас сердиться, я уже не успею тебя простить.

— Почему? Ведь ты же остаешься! Ты будешь жить здесь.

— Ян, — перебила она, — хватит уже. Не надо больше так играть.

— Я не играл. Зачем уехать, если ты не хочешь?

— Какой ты ... нет, не глупый, а просто ничего не понимаешь!

— Почему я ничего не понимаю?

— Не знаю. Просто ты совсем не такой... У тебя даже походка другая. Когда ты идешь, это похоже... вот помнишь, та музыка, мы однажды в Бертрамке слышали? Не Моцарта, а...

— Мысливечка?

— Да, Мысливечка. Я вообще таких людей, как ты, не видела. Ты не понимаешь, что если чего-то хочешь, то как раз этого и нельзя.

— Почему нельзя, если хочешь? — он с тревогой и недоумением смотрел на нее.

— Потому что это всегда так. Я уже привыкла. Да вот хоть с музыкой — как было. Я ее полюбила — а зачем? Я так просила, чтоб мне купили пианино, чтоб музыке учиться, так плакала, а они только смеялись.

— Кто они?

— Родители. Это потому, что я хотела. А если бы не хотела, меня бы нарочно заставляли, как других. Поэтому лучше никогда ничего не хотеть. Понимаешь?

— Не понимаю. Они тебя просто не любят.

Она пожала плечами:

— Все всех не любят.

— Почему?! наоборот, меня все любят.

— Тебя...

— И тебя: Катержина, и мой папа...

— Да, они не такие, но на самом деле...

— Что на самом деле?

— Ну как бы тебе это объяснить... Вот выходишь на улицу — тебя могут толкнуть, стукнуть, сумку из рук выбить, — никому и дела нет. В магазине обсчитывают — ну если не обсчитают, так обвесят обязательно. В столовой обругают, в прачешной ругаются всегда, и в автобусах...

— Тебя ругают? — удивился Ян. — За что?

— Ни за что. Им просто нравится ругаться, им это удовольствие. И вещи такие делают! Стол купили — ножка отвалилась, проигрыватель — сразу испортился, туфли всегда до крови ноги натирают, потолок протекает, пол проваливается, — чинить не хотят, и вообще... Если б все всех любили, разве стали бы так все делать? А когда уже так обидят, что идешь по улице и плачешь — ведь никто не подойдет, не спросит, всем наплевать!

— Ты плачешь?

Стало тихо. За окном все больше темнело, мрачная башня, нахохлившись, глядела из-за мокрых крыш.

— Я тебя... не пуцу, — выговорил, наконец, Ян. — Я не хочу...

— Разве мы можем хотеть или не хотеть?

— Не пуцу тебя, — почти шепотом прибавил он.

— Кто ты такой, чтоб не пустить?

— Кто я? — он удивился. — Я — человек.

— Нет, Ян! Это так только кажется. Это только на вид. А на самом деле мы не люди, мы ничего не можем.

Над Аларчиным мостом, над его перилами — чередой вертикально вытянутых чугунных колец, — над покосившимся зеленым ларьком, где вчера продавали арбузы, — сероватое и жемчужное брезжило утро.

Аня медленно шла по влажному тротуару: Крюков канал, горбатый деревянный мостик, Никольский собор слева, — и она снова углубилась в тесное ущелье, по дну которого протекал канал.

Есть в Ленинграде одно заколдованное место. Стоит всего шаг ступить в сторону с какой-нибудь вполне приличной, обкатанной улицы. — и вы вдруг окажетесь в этом сомнительном углу, где, кажется, даже столбики автобусных остановок поставлены только для виду, чтоб успокоить случайно забредших сюда прохожих. Странные дома обступят тут вас со всех сторон, какими-то подозрительными взглядами они будут вас провожать. Вам захочется прочь — но не тут-то было! Уклончивый канал виляет то вправо, то влево, и согласно ему круто поворачивают застывшие здания.

Вон на том берегу тихий особняк с треугольным фронтоном, загадочный в сумерках, с окнами, за которыми ходит неведомо кто, с раскрытой дверью балкона и невнятной, чуть слышимой музыкой. И уже можно погрузиться в приятную, безболезненную задумчивость, припоминая печальную грацию андерсеновских сказок, — как вдруг вода из-под ног глянёт на вас таким оком, что вы оторопеее. Не одной грубой силой может вода погубить человека: она подкрадывается неслышной сыростью, опутывает липким смрадом. А модный когда-то и до сих пор гордый особняк с башенкой смотрит с того берега глаза в глаза приземистому грязному дому с такой подворотней, в которую не всякий решится зайти.

...Аня брела, спотыкаясь о грязь и мусор какой-то стройки. По тому берегу тянулось бесконечное здание: багровые кирпичные стены, груды сваленных ящиков. Аня знала наверняка, что придет сюда чуть ли не в первый же день, как приедет. И теперь в нетерпении она ускорила шаг. За скудной листвой на том берегу мелькнуло что-то серое. Аня прошла еще два шага и остановилась.

Из глубины воды вырастают мощные колонны, в них упираются точно такие же, охваченные полукруглой аркой. В проеме — вверх и вниз распахнуто небо, словно створки дверей откинута на обе стороны, разрывая напополам глухое замкнутое пространство. И отсюда вырывается на волю — простор. Невероятный и неведомый, какого и быть здесь не может.

...Чего ты палку сосешь? — раздалось за спиной. Аня вздрогнула, оглянулась: мимо проходила пожилая женщина, держа за руку мальчика в черном пальто. Кругом было очень пустынно, ни одного больше прохожего. На стене соседнего дома чрезвычайно аккуратно, с маленькой буквы, было выведено: «добрякова — мешок с жиром». Аня опустила глаза: по бурой воде изгибаются смолистые разводы, седые завитки, покачиваются тугие серые комья. Во всем этом и отражается арка. Аня снова взглянула на нее — словно вздохнула полной грудью. Ворота в никуда, за ними — низкие, невыразительные строения...нет, скорее — ворота в небо (но почему с такой тоской, с такой щемящей тоской смотрят на меня эти стены?) И все-таки они летят, хоть непомерно малы раскрытия.

Теперь — все равно, куда. Но не домой. Аня обогнула Новую Голландию, пересекла площадь Труда и, миновав угловой гастроном, вошла в великолепную панораму набережной.

За чугунными перилами шевелилась водяная масса точно такого же чугунного цвета. Едким смрадом ударяли в лицо с воем проползавшие по мосту машины. Аня поймала себя на том, что идет сгорбившись, опустив голову и не глядя по сторонам, словно торопится скорей уйти прочь отсюда. Еще не веря себе, она замедлила шаг, потом остановилась и подошла к перилам.

Плоская пустыня расстилалась перед нею. Солнце с грязновато-белого неба распространяло от себя металлический блеск: он как-то неестественно ложился на воду, жирной пленкой на ее мускулы, перекатывающиеся под угольной кожей. А дальше волны брели стадами, безропотно, все уменьшаясь к горизонту, и туда же брели квадратные дома, безучастно уставившись в пространство. Величественный гранит набережной такой гладкий, и люди по нему скользят ненужные, посторонние. Как с гуся вода. Слева — хищные мертвые звери перед входом в желто-белое здание. Справа вдавлен в каменную массу тусклый пятак — купол Исакия. И кажется, наощупь город холодный и скользкий, как кожа древнего ящера, обитателя болот.

... В самом деле — зачем сомневаться и мучиться, выращивая город любовью и со вниманием, как садовник — свой сад? Если у человека есть железная воля и к тому же очередные стратегические задачи, ему это вовсе ни к чему. Место можно выбрать самое отвратительное — хоть прямо посреди болота; климат — пожалуй, пусть и вовсе невозможный для жизни — лишь бы только соответствовали тем назначенным задачам. Жертвы? О жертвах человеку с железной волей думать не приходится, на то ему и воля, чтоб считать их на тысячи, на миллионы — и тут же сбрасывать со счетов. Изучить все науки, объездить все города, чтоб не заметить самого главного и самому не вырастить, а выбить из мертвеющего камня, не с любовью, а с ликованием всевластной покоряющей воли. Ровно, по линейке, навсегда.

... Вот перед нами душа человека. Если б мы вспомнили, что она — живая, не менее живая, чем цветок, мы бы не стали кромать ее ножницами для придания ей более симметричной формы. Но к чему так долго сомневаться и мудрить? Метод есть, он ясный и проверенный. Есть и очередные стратегические задачи: сделать из человека то, с чем нам удобно будет жить. Ласковость? Это хорошо; но не слишком: вот до сих. Отрезать. Это что? Это ладно. А вот это что тут? Это нам не подходит. Яркая краска, сильный звук, неудержимое чувство? «Вот именно это мы в тебе не любим, а не тебя не любим.» Где там линейка и ножницы? Спрявим линию. Вот так, блестяще. Что, завянет? Ничего, не завянет! А сильная воля на что? «Смотри, какая у тебя сила воли, как хорошо ты выполняешь свое решение!»

И вот появляется человек с сильной волей. Нравственное совершенство. Ходит только прямо, по-другому не умеет. А сильная воля поможет не заметить, чего же хочет он сам, поможет выполнить стратегические задачи ведущей руки. Вот так. Шаг и еще шаг. Уроки делать полезно, а чепухой заниматься вредно. А о

живом человеке и подавно думать ни к чему, на т о тебе и сила воли. Забыть. Где там линейка? Провести безукоризненную прямую — и отрезать. Ну вот и все в порядке. Забыть и куда-нибудь поглубже, чтоб на глаза не попадалось. А воспоминание — оно согласно. Оно ничем о себе не напомнит, оно даже совсем умрет. Там, в незаметной глубине твоего существа, в живой благодатной почве — крохотное семячко. Ты забыла, чем смерть оборачивается для семени? Нет, где тебе помнить, ты не умеешь только по прямой.

Домой Аня добралась, когда солнце уже садилось. По булыжникам подворотно прошла в тесный двор. — Господи, — вдруг проговорила она про себя, — как это больно — запрещать!.. Ее взгляд тем временем скользил по облезлым стенам, настолько грязным, что сама эта грязь казалась чем-то значительным, полным тайного смысла. Она свернула в низкую дверь, очутилась в темноте. Не вслушиваясь, она входила в запах кошек, помоев и какой-то кислой гнили, всходила по склизким ступеням, мимо сломанных перил, скрученных проволокой. Ссутуливаясь, в черно-коричневой форме, она казалась маленькой старушкой с оцепенелым, сосредоточенным лицом.

Вот эта дверь — ей с детства казалось — вдруг откроется, за ней — темный провал какого-то затхлого и страшного зала. И в том зале стоит строгая женщина в суконном зеленом, как у мамы, костюме. Внезапно вокруг ее талии раскрываются медные лопасти — и сжимаются с гулким стоном, хлопают, как у игрушечной «Дюймовочки». Нежилой запах, запах чего-то казенного... Страшно тут все, каждая подробность: и тусклая медь, и мертвый ее звон, и даже этот убитый зеленый цвет, — много такого зеленого было в ту пору, как та вывеска на сберкассе, где ее вытошнило и где висел на стене портрет Сталина. Так вот прямо, как войдешь, — да нет, это был не портрет, а целая картина: Сталин на желтом поле в своих черных сапогах беседует с трактористом. И потом — вот интересно, ей никто ничего плохого о Сталине не говорил, но ее начинало тошнить каждый раз, как она видела его портрет.

Наконец, она добралась до своего этажа. Позвонила: прогрохотал чугунный крюк, и она очутилась в приторном воздухе коммунальной кухни перед лицом своей матери, Веры Павловны.

— А-а, Анютка! Пришла... говорила мать. Звучание ее голоса было такое приятное, словно она вздыхала с облегчением. Вера Павловна повесила плащ на вешалку и теперь, держась рукой за стену, снимала туфли. Аня кинулась и проворно подставила матери тапки.

— Спасибо, доченька. Ну, как у тебя в школе? Писали сочинение?

— Ага.

— Ты какую взяла тему?

— «Мой любимый герой».

— О ком писала?

— О Фучике.

Мать нахмурилась:

— Не могла кого-нибудь из наших взять? Что, у нас своих героев, что ли, не

хватает? — она подозрительно взглянула на Аню. — Не могла написать о Зое Космодемьянской, о Матросове?

— Но я... — начала Аня. (Ведь сказано же — любимый! — чуть не сорвалось у нее.)

— Ну? — строго спросила мать. — Что — ты?

— Я думала... я читала, и у меня мысль такая была... пролепетала Аня. Она понадеялась, что слово «мысль» ее спасет. Действительно, ведь была же у нее еще и мысль!

— Твои мысли пока никого не интересуют, — отдельно произнесла Вера Павловна. — И если ты хочешь когда-нибудь поступить в институт, запомни, что твои мысли никому не нужны. Поняла? — она взглянула своими темными тяжелыми глазами, словно угрожая, будто взглядом внедряясь в глаза дочери, чтоб раздавить в них все лишнее, чужое и еще глубже впечатать свою волю.

— Поняла, я спрашиваю?

— Нет, не поняла, — прошептала Аня, опустив голову.

«Жалкие, светлые волосы, — внезапно с каким-то брезгливым чувством подумала Вера Павловна, — и тонкие, как пух».

— Ну, так подумай о том, что я сказала, — веско произнесла она и, отвернувшись, пошла в комнату. Она шла, высоко неся голову, величественная и неприступная.

Аня поплелась в бабушкину конурку. От сети дождя, что невидимо была расставлена в воздухе, ее теперь познабливало. Она скорей сняла форму и закуталась в бабушкин платок.

— Бабушка! — прошептала она, грея ноги в клетчатых бабушкиных шлепанцах. Со стула свисали черные крылышки передника, крапленые дождем. Забыв о времени, сгорбившись, Аня сидела на диване. И никто не знал, о чем она думала, упорно глядя в слезящееся окно, под паутиной сумерек и в сером платке, похожем на большой клочок паутины.

— Анютка, выйди скорей, у нас гости! — укоризненно шептала мать, просунув голову в дверь. Аня, опомнившись, встала. Она ничего не могла понять: почему так темно, почему снова так ласков стал голос матери, а из коридора доносится веселый гул.

— К нам тетя Эра из Москвы.

— Да? Одна?

— С какой-то своей ученицей. Иди скорей, сбегаеть купить чего-нибудь вкусенького.

— Знаешь, мам, пошли лучше Володьку, я замерзла, промокла сегодня.

— Ничего, оденься потеплее. Володька никогда ничего путного не купит. Ты же у нас специалист в этом деле. На, вот тебе денюжка.

За склизкими от сырости стенами, в тесной комнатухе, освещенной светильником болотного цвета, сидели люди, старавшиеся развеселиться, и пели веселые песни. Худощавый Александр Николаевич, приклонившись к гитаре, пел тенором:

— «Но не осталось там души ни крошечки
она

Она для милой Верочки моей» — и поглядывал на жену ласковыми глазами. Вера Павловна укоризненно покачивала головой, едва скрывая удовольствие. Она сидела гордая, даже седина в ее густых черных волосах сияла празднично, как кружева белой блузки. И она пела молодым счастливым голосом:

— Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда, —
По всем океанам и странам развеем
Мы алое знамя труда!

Пели с воодушевлением, словно что-то, чего нельзя высказать словами, дохнуло им в лицо и вновь воскресило их. Седые, покрытые морщинами, пели со всей страстью юности. Володя, как всегда, не пел, сидел сгорбившись и рассматривал чашки на столе. Спутница тети Эры, Тамара, с робостью и, пожалуй, восхищением глядела на поющих: она и рада бы подпевать, да не знает этих старых песен. Одна только тетя Аня пела все песни до конца, поднятая тою же волной. И тетя Эра, как давеча Павол, восклицала:

— Ты знаешь наши песни!

Тут наступал черед родителям с гордостью переглядываться. И песни звучали — почти независимо от тех, кто их пел — оживляя невозвратимое, немислимое теперь время.

За стеной, в комнате соседней, укрывшись с головой одеялом, потихоньку плакала в своей постели шестилетняя Танечка. Она плакала из-за этих песен, — из-за того, что в песнях все так хорошо, а на самом деле никогда так не бывает. Она плакала о яблоках и грушах, которые представлялись ей совсем не такими, какие мать приносила из магазина. Они были огромные, загадочные, от них даже как будто исходило свечение. Она плакала как о личной, невозвратимой потере о тех молодых капитанах, которые с такой покоряющей отвагой вели наш караван сквозь бури, ветры и ураганы. И веселых подруг, как родных, как близких и пропавших, ей было жалко. И о том серебряном голосе она плакала:

— И подруги серебряный го-лос
Наши звонкие песни поет! —

Услышав среди всех голосов один настоящий серебряный, девочка заплакала еще горше. В угловой комнате на пятом этаже, говорят, живет людоедка; по их собственному коридору живьем разгуливает баба-яга, а все для приличия

называют ее нормальным именем «Ксения Васильевна». Так, может быть, и Аня, которая живет за стеной, на самом деле никакая не Аня, а просто заколдованная царевна? Отчего же у нее такой серебряный голос? Отчего у нее всегда такое грустное лицо, если ее не заколдовал никакой колдун или Змей Горыныч?

— Про того, чьи письма берегла, — доносилось из-за стены.

... Среди голубых и сиреневых туманов просвечивали золотом магические яблоки и груши; по колдобинам неровного берега крутого кралась Аня к большому рассохшемуся дубу и, пугливо озираясь, прятала в дупло пачку писем. Больше Танечка ничего не видела, — она заснула среди песен и слез.

Радостная, разгорячившаяся тетя Эра распевала фальшивым и громким голосом. Маленькая, краснощекая, она была из тех редкостных женщин, которые без всяких усилий и в сорок, и в пятьдесят лет выглядят такими «своими в доску» рубаха-девками, совсем молодыми, со всеми недостатками и не со всеми достоинствами молодости.

— Эх, дороги, — фальшиво затянула тетя Эра. Александр Николаевич уже подтягивал:

Выстрел грянет,
Пуля летит,
Мой дружок в бурьяне
Неживой лежит...

... А дорога дальше вьется. Все дальше от того убитого дружка, который остался лежать в бурьяне за пылью и туманом времен. Так далеко она увела, эта дорога, вот уже и сын Александра Николаевича — почти ровесник тому, убитому. Вот он, сын. Отец взглянул на Володю. Тот сидел с неживым лицом и ни на кого не смотрел.

— Темная ночь, — завела Вера Павловна. Аня взглянула в окно, в глаза темноте.

— Темная ночь
Разделяет, любимая, нас...

Вот она, стоит невозмутимо, словно ничего не случилось, не прошло столько лет, словно с такой неизбежностью не настигла пуля того единственного, кто упал в бурьяне. Словно ее не касается, свистят пули или не свистят. Вот она: вплотную приблизилась к окну. Стоит и разделяет.

... Нет, это — не обыкновенное пространство, которое ничего не стоит преодолеть поездом или самолетом. И это не простая темнота ночи, темнота из-за того, что солнце на время отвернулось от земли. Это — тьма, поистине тьма, расплывающаяся и бесформенная, без души и без вины.

Тем временем военные песни допели, и, как бы встряхнувшись, Вера Павловна предложила:

— Ну-ка, молодежь, — теперь спойте ваши!

Молодежь растерянно переглянулась. То есть Володя не переглядывался, как если бы обращение «молодежь» не имело к нему никакого отношения. Переглянулись Аня с Тamarой — и тут же опустили головы, чувствуя, что после тех, отзвучавших, им петь нечего.

— Давай-ка, Анютка, эту твою... как она... ну, про камни.

— Да ну ее, совсем она не моя.

Но отец уже подстроил гитару, и взрослые затаили нудными голосами, в то же время довольно переглядываясь: вот, мол, мы и запросы молодежи понимаем:

—... В этой каменной стране

Я бы сама превратилась в камень

Лишь бы ты поклонялся мне.

Аня в нетерпении хмурилась:

— Пусть лучше москвичи споют нам что-нибудь московское.

Москвичи посоветовались и вскоре пропели странную московскую песню, видимо, совсем без мотива, про девушку, которая, выпивая стакан простокваши, отвергала пятьсот женихов.

Но вот уже пора и прощаться. Последние улыбки в коридоре, последние всплески ласкового голоса Веры Павловны.

Дверь захлопнулась. Отец повесил гитару на стену за клетчатую занавеску и теперь с будничным серым лицом стелил постель. Мать перед зеркалом снимала с себя бусы, и вместе с ними выражение радушной сердечности исчезало с ее лица. Когда Володя вошел в комнату, она сурово спросила:

— Ты где после школы шлялся?

— На стадион ходил, — невозмутимо отозвался Володя, искоса наблюдая за матерью.

— Ну, бог с тобой, — проворчала Вера Павловна, и по ее лицу было видно, что она успокоилась. Успокоилась, как был уверен Володя, именно потому, что он сказал неправду, и мать это почуяла и оценила. Анька никогда не может спокойно соврать, за это ее мать и не уважает. В самом деле, как бы он стал объяснять, что он просто гулял после школы по Васильевскому острову, потому что ему нравится этот район? И кому нужны его душеизлияния? Володя был на год младше сестры, но он уже твердо усвоил, что, если хочешь сохранить душевный покой, даже и в малейшем пустяке нельзя говорить родителям правду. Дело даже не в том, что соврать, а в том, чтоб именно соврать. Ведь неправда всегда глаже, благопристойнее и даже правдоподобнее правды.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМ

С самых первых шагов независимому женскому движению сопутствовал успех, но было бы печально, если бы мы стали обольщаться относительно природы этого успеха: мы были первыми, мы заговорили о том, что замалчивалось десятилетиями, мы сняли запреты - вот причина интереса и сочувствия к нашему движению, к нашим журналам.

Но далеко не обо всем мы успели сказать, далеко не все темы затронуты, а многого о положении женщин в России мы, члены клуба "Мария", просто не знаем. Об этом и наш последний разговор на страницах этого номера.

Дорогие сестры! Для того, чтобы журнал жил, развивался и становился значительнее, его авторы должны выйти за первый круг представленных тем, а уже представленные, удачно найденные - углубить и расширить за счет новой информации и свежего анализа наболевших вопросов.

Вот круг тем, которые кажутся нам особенно важными:

1. Проблема разрастающегося голода в стране, связанного с общим экономическим упадком. Очень сложная тема, поскольку в СССР не существует ни объективной экономической информации, ни честной статистики. Мы знаем примерные нормы мяса, выдаваемого по карточкам на одного работающего в разных городах Союза: они колеблются от 400 граммов до 2 килограммов в месяц. Но нам неизвестно точное количество городов, в которых уже введена карточная система на продукты питания, а также неизвестны города, которым грозит в ближайшее время введение этого "упорядоченного" снабжения. Между тем, это очень важный момент: предавая гласности подобные экономические новшества, мы можем вынудить власти, как на местах, так и в центре, принять экстренные

меры против растущего голода. Это вынудило бы высшие органы власти снизить военные расходы, расходы на экспорт коммунистической идеологии, на пропаганду внутри страны, чтобы высвободившиеся средства передать тому, кому они и принадлежат по праву - недоедающим и голодающим трудящимся.

Возможно, что властям на местах пришлось бы урезать собственные партийные привилегии: опасаясь потерять власть - а гласность чревата для них именно этим - они сократили бы повсеместное расхищение народных средств и вынуждены были бы на деле проявить минимальную заботу о положении трудящихся во вверенных им городах и районах. Сейчас же, когда вопиющая разница жизненных уровней рядового населения и партийно-государственной верхушки известна всем, но не осуждается никем, власти на местах спокойно наблюдают тысячные очереди у дверей продуктовых магазинов, и это не вызывает у них ни административной, ни, тем более, человеческой тревоги. Напротив, собственное благополучие на фоне всеобщего неблагополучия устраивает их, льстит их самолюбию и заставляет еще крепче держаться за свои места, во всем следуя указаниям "сверху". Лишь бы сытые наверху были довольны, а недовольство голодных снизу СЕГОДНЯ им не опасно. Считается, что этого недовольства нет, как нет и голода: разве об этом написано в центральных или местных газетах? Вывод один - об этом нужно говорить и писать в свободных изданиях, таких, как наш с вами журнал.

2. Проблема все растущего пьянства в стране. Мы уже затрагивали эту тему, но лишь в бытовом, семейном ее аспекте. Однако кроме морального аспекта существует еще социальный, экономический, политический. Почему пьянство выгодно государству? Каково число алкоголиков на каждом конкретном предприятии? Кто считается дезорганизатором производства - пьяница-прогульщик или тот, кто борется за свои права советского рабочего, гарантированные ему законом и уставом профсоюза? Многие могли бы рассказать женщины, непосредственно связанные с вино-водочными предприятиями, работающие в торговле.

3. Женщина и право. До сих пор в работе нашего клуба и в журнале еще не принимали участия женщины, имеющие специальное юридическое образование и соответствующий практический опыт. Это ощущается в нашей работе как большой пробел: как было бы полезно и убедительно, если бы каждый рассказ наших авторов о нарушении прав женщины сопровождался хотя бы маленьким, на четверть странички, комментарием юриста-консультанта! А как много могли бы нам рассказать юристы, работающие в женских консультациях, адвокаты в гражданских судах, юрист-консульты, участвующие в трудовых спорах рабочих с администрацией предприятий! Какова правовая защита женщин от унижений в семье? Когда и где был наказан хотя бы один начальник отдела кадров, отказавший в приеме на работу беременной женщине? Вопросов тьма и тьма.

4. Вопрос женской безработицы. Официально безработицы у нас в стране не существует, статистические ежегодники так и пишут: "В этом году, как и в предыдущие годы, безработица на территории СССР не зарегистрирована". Не зарегистрирована - и Бог с ней, но как же все-таки быть тем, не статистическим, а вполне реальным женщинам, которые мечутся в маленьких наших городках в поисках мало-мальски подходящей работы? Как быть тем, кто в родном городе работы не находит, а уезжать от родных и друзей не хочет - да ведь никто и не должен бегать из города в город в поисках работы! Однако бегают, кто в поисках работы, кто жилья, кто прописки. Вот об этих людях, никакой статистикой не учтенных, о наших советских безработных, надо знать, надо писать. И о тех "счастливых", что уже устроились и существуют по лимитной прописке.

5. Еще один вопрос, чрезвычайно важный именно сегодня, на фоне бурной экспансии нашего режима на Восток. Это вопрос о положении женщины в наших среднеазиатских республиках. В числе лицемерных лозунгов, призванных "одухотворить" военную интервенцию в Афганистане, есть и лозунг об освобождении афганских женщин от пережитков Ислама. Что ду-

мают об этом афганцы, мы уже знаем. Хотелось бы знать, что думают об опыте насильственной эмансипации женщин нашего Востока жительницы наших исламских республик? Афганки из отсталых окраин должны знать, что они выиграют, получив вместо паранджи красное знамя.

Существование восточной женщины под гнетом традиций было ужасно, во многих странах оно продолжает оставаться ужасным. Но что лучше — путь постепенной естественной эволюции в результате роста культуры и образования, как считали до сих пор сами афганские женщины, или же освобождение "по-советски"? Лучше всего на эти вопросы ответили бы наши сестры из Средней Азии.

6. Сейчас весь мир с волнением следит за развитием свободного профсоюзного движения в Польше. Мы восхищаемся мужеством польского народа и тревожимся за судьбу его победы. А как обстоит дело в нашей стране?

Проблемы профсоюзного, свободного профсоюзного движения не могут не волновать нас, женщин. Наряду с религиозным и женским движением, профсоюзное движение является наиболее перспективным оппозиционным движением в нашей стране. Именно этими тремя дорогами диссидентство выходит из круга элитарной замкнутости.

В Советском Союзе женщины составляют больше половины населения и женский труд занимает более 50% в промышленном производстве, то есть, наблюдается значительная "феминизация" пролетариата. Но этот перевес никоим образом не отражается в сфере руководства производством, в структуре управления. Как и во всех сферах общественно-политической жизни страны, в аппарате профсоюзов почти все посты управления заняты мужчинами.

Женщина и профсоюз — вот еще одна актуальнейшая тема для обмена информацией, для раздумий и поисков решений.

7. Религиозная жизнь, духовный поиск — этой теме сейчас отвсдится едва ли не центральное место в "самиздатовской" и выходящей за рубежом русской литературе и публицистике. Почти ни один свободный

журнал не обходит этой темы. Но и официальная печать о ней не забывает! Постоянно печатаются всякого рода фальшивки и "разоблачения", а то и "добровольные признания", полученные за семью решетками. Разоблачать эти фальшивки - долг верующих, особенно женщин, потому что в этом - долг милосердия.

Особенно страшно положение верующих на периферии: то и дело в советской печати появляются "страшные рассказы" об изуверстве различных религиозных сект, публикуются случаи "спасения" детей из лап верующих родителей: обыкновенное посещение церкви, например, изображается как акт величайшего и жесточайшего насилия над ребенком.

Если в крупных городах власти еще декларируют свое терпимое отношение к верующим, то в окраинных уголках советской империи антирелигиозная политика местного начальства проявляет себя без всякой оглядки на закон. Очень важно знать о каждом таком преступлении местных властей, потому что они, желая отнять у человека веру в Господа, часто отнимают у него здоровье и жизнь, щедрой рукой правосудия раздавая немислимые сроки заключения.

ж

Мы уверены, что есть еще многое и многое, сегодня не замеченное, не высказанное, не затронутое. Сегодня нас еще очень мало, всего несколько десятков, и мы почти все жительницы одного города, почти все принадлежим к одному кругу - и "узок все еще этот круг и все еще далеки мы от народа". Но цель наша - узнать как можно больше правды о положении женщины в нашей стране и рассказать ее, эту правду, всему миру. Только тогда мы сумеем развеять миф о беспроблемности женской судьбы в СССР, только тогда мы сможем изменить ужасное положение женщины в нашей стране. Мы в своей работе с самого начала ориентировались на связь с женщинами самых разных слоев населения, разных национальностей, из самых разных географических точек страны. Мы стараемся рассказать все, что нам известно, но сегодня мы знаем очень мало, слишком мало для того, чтобы что-то существенно изменить в положении наших сес-

тер. Только вместе с вами, нашими читательницами, мы сможем добиться большего. Только вместе с вами мы сможем не только составить наиболее полную и правдивую картину жизни женщины в СССР, но и подойти к основной задаче - разработать на основе анализа этой картины конкретные задачи и методы освобождения женщины во всех аспектах ее бытия.